

Комбат Найтов

ДЛИННЫЙ СТВОЛ
—
КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Длинный ствол – короткая жизнь

«Автор»

2023

Найтов К.

Длинный ствол – короткая жизнь / К. Найтов — «Автор», 2023

Давно хотел написать о противотанкистах, даже начинал в «Гнилом дереве», но там сюжет пошел по другому пути, в результате получился роман о командирах корпусов, когда выяснилось, что в районе Осовца действовали только пехотные дивизии немцев. Герой этой книги: человек совсем «безбашенный». В ней написано о том, как могла бы пойти война, если бы неверные представление о том, как должна действовать противотанковая артиллерия не восторжествовали в предвоенный период и в начальный период войны. Увы, РККА в течение нескольких лет войны уступила инициативу действий немецким моторизованным частям, что сильно сказалось на результатах первых двух лет войны. Противотанковую оборону на поле боя, способную противостоять немецкому наступлению, удалось создать только спустя два года после ее начала, да и потом, до самого конца войны, останавливать прорывы немцев было очень и очень сложно. Современному читателю невозможно себе представить: сколько терпения, сил и времени требуется противотанкистам, на которых идут «тигры» и «пантеры», экипажи которых защищены 100-мм крупновской броней, а тебя от них защищает лишь 6-мм щит орудия, да набросанные ветки маскировки или сетка с ними. Увы, поспешное снятие с вооружения и производства пушек ЗиС-2, снятие с вооружения и укорочение ствола 76 мм дивизионной пушки поставило противотанкистов в очень тяжелые условия. Но они выстояли, хотя и мрачно шутили по поводу длины их стволов и продолжительности жизни их расчетов.

© Найтов К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. 1-я Пролетарская, Борисов, Березина, июнь 1941-го	6
Глава 2. «Ваша задача, майор, прикрыть Витебск!»	17
Глава 3. Выпускники «фабрики» и остальные	24
Глава 4. Неожиданный визитер	30
Глава 5. На смоленском направлении, первый звоночек	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Комбат Найтов

Длинный ствол – короткая жизнь

Глава 1. 1-я Пролетарская, Борисов, Березина, июнь 1941-го

Вздрыгнула земля, просыпавшись между бревнами наката, и попав мне на лицо. Недовольно морщась, стряхнул остатки земли с небритой физиономии, оттянул воротник гимнастерки, пару раз дернул материю, провел ладонью по шее, стряхивая вниз кусочки суглинка. Поднялся с нар, отряхнул голову, вытащил нательную рубашку и окончательно ликвидировал «прорыв» землицы к моему телу.

– Давно начали? – спросил я молодого красноармейца из «борисовского» пополнения, сидевшего возле горевшей неровным пламенем смятой гильзы «сорокапятки» с фитилем из чьей-то портянки.

– Минуты три, товарищ старший сержант. Долго просыпались, на первые залпы даже не среагировали. А накат-то выдержит? – он опасливо поднял глаза вверх, глядя из-под каски.

– Прямого, если 150, то нет. 75-ки бьют, не дрейфь. Чай есть? Где комбат?

– Чай на печке, комбат так и не вернулся.

– А взводный?

– «Телегу» на вас понес в штаб, еще не возвращался.

– И бог с ним. Боеприпасы подвезли? – спросил я, отхлебывая горячий чай из довольно мятой алюминиевой крышки немецкого котелка. Чай был даже сладкий, богатеи на батарее завелись.

– Подвезли, разгрузились.

– Мою цинку подай.

– Держите, товарищ старший сержант. Опять уйдете? Попадет ведь!

– Нет, он, гад, видит нас. Отсюда ловить надо. – ответил я и прикрыл ладошкой чай, так как сверху вновь посыпалась земля. Затем промасленной тряпкой протер два десятка патронов и снарядил «большой» магазин АВС.

– Гаси копилку! – приказал я, подстраивая артиллерийскую стереотрубу для замера дистанции. Аккуратно, стараясь не пылить, снял шинель с амбразуры НП батареи. Раннее утро 1-го июля 1941 года. Впереди – Березина, шоссейный мост у деревни Черневка. Это южнее Борисова, куда вчера подошла 1-я Московская мотострелковая Пролетарская дивизия. Мост деревянный, довольно старый. У нас здесь один 4-й батальон 175-го полка, которому придали нашу батарею, из 123-го истребительно-противотанкового дивизиона. Вечером имели боестолкновение с моторизованной разведкой немцев. Где-то северо-западнее наблюдали еще один бой в районе Минского шоссе. Но далеко, километрах в 30–50. За это боестолкновение и «попало» от взводного. Он хотел пропустить разведку через мост. А я еще вчера выяснил, что рядом с ним есть окопчик, в котором сидят четверо курсантов из Борисова. Мост облеплен, буквально, емкостями с КС, и у курсантов приказ: «не допустить прорыва противника». Сожгли бы к чертовой бабушке! У них один револьвер и четыре мосинских карабина. Теперь они вооружены и очень опасны! 3 МГ-34, с большим количеством патронов, и две новых ячейки, даже перекрытых немного. Но, ситуация критическая: поздно вечером к переправе подошла моторизованная группа немцев. Атаковать не стала, так как обнаружила позиции 4-го МСБ, который роет ячейки буквально на виду у немцев. С раннего утра приступила к обстрелу позиций.

Долго наблюдать не пришлось: восходящее солнце подсветило позицию немецкого наблюдателя на дереве на окраине деревни Мурово, пример-но в 900 метрах от меня. Новенькая АВС с прицелом ПЕ, которая еще вчера позволила перебить мотоциклистов, занимает положение для стрельбы с упора. Первый выстрел пришелся по стволу дерева, второй пробил голову, не успевшего спрятаться, наблюдателя. Удачненько он расположился! По меньшей мере одна из ячеек на берегу Березины накрыта артиллерией. Требуется разузнать: что там и как? Хотя... Я еще вчера осмотрел мост и знаю куда бить. КС – жидкость, самовозгорающаяся на воздухе.

Через несколько минут пришлось поднимать людей, у немцев фыркнули моторы, сейчас начнут! Скороговоркой захоптели минометы, пушки-гаубицы перешли на беглый. Двенадцать танков и около сорока бронетранспортеров двинулось к мосту.

– Не стрелять! Огонь только по моей команде! – рявкнул я в трубку, связывающую меня с позициями 6-ти орудий. Пардон, хлопушек. Немцы – борзые, сидят в бтр, ошестинившихся 40 пулеметами. Подходят к точке, где я вчера немного повозился с ТМД-40, тяжелеными деревянными ящиками и с ФОГами, огнеметными фугасами, которыми в изобилии снабдили курсантов, но они не знали, как с ними обращаться. Они – ремонтники танков и мехво-ды. ФОГов было только четыре, а мин – двадцать. Из-за этого мне и попало вчера: все рыли позиции и блиндаж, а я зарывал «подарки». Немцы на ходу перестраивались в колонну, для быстрого форсирования реки через мост. Вперед, как и ожидалось, пошли БТР, танки чуть тормознули и готовились их прикрыть. Шесть «ганомогов», один из которых был вооружен 4-хствольной установкой «Oerlikon» набрали скорость и направились к мосту. Взрыв прогремел под головной машиной и одновременно с двух сторон хлестнуло продольное пламя вдоль колонны на сто метров. А пехота сидела внутри открытых сверху бронемашин. В этот момент открыли огонь два из трех «вчерашних» МГ. Идиоты! Или герои? Трудно определить. Я бы не стал этого делать! И люди, и пулеметы понадобятся позже, когда пехота начнет переправляться через реку. Но, танки не зря стояли наготове. Они быстро накрыли курсантов. Кто-то из них в последний свой миг рванул «удочку», и мост запылал. А мне хотелось, чтобы на нем немного подкоптилось мясо. Черт!

– Один – шесть. Выбрать только «четверки», справа налево. В лоб не стрелять! Дистанция большая. Только если борт подставят. И по канистрам на корме. Как поняли?

– А чего не стреляем? Они ж как на ладони!

– И ты у них тоже. За рекой они нам до одного места.

Увидев, что самый правый танк Т-IV выбросил сноп сизой копоты из коллекторов, дал команду 6-му орудью приготовиться.

– Канистры на корме видишь?

– Вижу!

– Не ты, а наводчик!

– Видит.

– Осколочно-фугасным. Дистанция – 1200 метров, прицел 12, ветра нет. Беглым! Три! И на запасную!

– Есть! Огонь!

Недолет! Вилка! Попадание! Стреляют «пролетарцы» очень неплохо! А теперь моя работа! Мешаю «погорельцам» тушить загоревшуюся корму, но изнутри блиндажа. А слева еще два взрыва ТМД, и минус еще два «ганомога». Но внешне бой напоминает вялую перестрелку. Бьет одна винтовка, хоть и часто. Немцам такой порядок боя не нравится, они попытались развернуться, и оставили на месте боя еще четыре танка. «Единичка» сжечь «четверку» не смогла. Немцы отошли. В этот момент, воспользовавшись передышкой, появились «взвод-

ный», младший политрук Геслер, и два комбата: наш, старший лейтенант Шацкий и комбат-4 капитан Ерохин.

– Смирно! Товарищ капитан! Приданная вам первая батарея ИПТ отразила атаку моторизованного батальона немцев, при поддержке 12-ю средними и легкими танками. Уничтожено до роты пехоты, 8 бронетранспортеров и пять танков противника. Расход снарядов: 28 выстрелов. Убитых и раненых не имеем. Заместитель командира взвода управления старший сержант Голованов.

– Кто у моста был?

– Курсанты, танкисты из Борисова, четыре человека. Вот список. Что с ними – еще не выясняли. Поторопились они, выдержки не хватило, а связи не было.

– Понял, пошлите туда разведчиков.

– Рано еще. Немцы не отошли полностью. Там еще семнадцать мин осталось на подходах, так что не стоит их нервировать. Пусть саперов выставят. – сказал я и похлопал рукой по снайперской винтовке.

– Да ты посмотри, комбат, у него даже карточка огня готова! Со всеми отметками. Где так научился?

– В дивизии, до вчерашнего дня я командовал взводом управления, а не младший политрук Геслер.

– А с ним что не поделили?

– Так он же вам доложил, наверняка. Я вчера ушел заниматься предпольем, готовить маркеры и точки пристрелки перед мостом. Заодно пообщался с «танкистами» и вместе с ними заминировали дорогу, имевшимися у них средствами. Познакомился с системой обороны моста. Меня обвинили в том, что я где-то сачковал, пока батарея готовила огневые и наблюдательный пункт. Ну, слово за слово, и он убежал куда-то в тыл, явился после боя, хотя был оставлен за командира батареи. Как командир, он позицию к бою не подготовил, только спальные места. Об этом он позаботился.

– Так, товарищи командиры, выйдем-ка на воздух, а вы, сержант, займитесь наблюдением и связью. – оно и понятно, ругать будет капитан двух «архаровцев», которые должны были «рукой водить», да отсутствовали «по уважительным причинам». А тут еще и телефон затренькал! На линии оказался бывший командир батареи, теперь командир дивизиона капитан Ногинов.

– Старший сержант Голованов, взвод управления 1-й батареи.

– Сережа, что у вас?

– Отбили атаку моторизованного батальона, с танковой поддержкой, Михаил Васильевич. К сожалению, охрана моста его сожгла. Наше дальнейшее присутствие здесь довольно бессмысленно. Запишите боевое донесение: пять средних танков Т-IV, восемь «гробиков», до роты пехоты, потерь не имеем. Расход снарядов – 28.

– Принял, где Шацкий?

– Его комбат-4 дрючит где-то на позиции.

– За что?

– Появился на батарее, когда все закончилось.

– Где пропал?

– Не знаю, вчера уехал с вечера.

– Опять за старое! Ладно. Найди, пусть позвонит. Возможно, что придется менять позицию. Здесь дела совсем не так хороши, как у вас.

– Есть!

Я это знал! И карточку огня учился рисовать немного в другом месте, но так получилось, что уже две недели, как очнулся в палатках Алабинских лагерей, а через день началась погрузка в эшелоны. 26-го выгрузились в Смоленске, своим ходом добрались сюда. Нас включили в 7-й

мехкорпус. Но, мысли – мыслями, а глазами ищу начальство. Они удалились довольно значительно от блиндажа, мои «отцы-командиры» стоят навтытяжку, и их песочат! Пришлось кашлянуть и изобразить из себя глухого и немого.

– Тащ капитан! Разрешите обратиться к старшему лейтенанту Шацкому?

– Обращайтесь!

– Тащ лейтенант, вас командир дивизиона просил срочно позвонить.

– Тащ капитан! Разрешите убыть на КП?

– Идите, все идите! И запомните: еще раз повторится – ответите по всей строгости законов военного времени!

Едва отойдя от начальства, Шацкий набросился на нас с Геслером, что не прикрыли его задницу, пока он Леночку трахал, причем, насколько я понимаю, у них пока еще цветочно-конфетный период ухаживания, в поезде познакомилась, но Лёня запал на нее крепко. Он – чемпион дивизии по этому виду спорта, да и черт с ним, доиграется когда-нибудь! Впрочем, это вчера в дивизии было 10852 человека личного состава. Сколько их сегодня уже никто не знает. Нам пока повезло, мы на левом фланге, в стороне от шоссе на Оршу. Я на НП не пошел, свернул на кухню, потому как война – войной, а кушать хочется всегда. Тем более, без завтрака. Получив свою порцию в трофейный котелок, всегда с собой, как и немецкий же складной нож с вилкой и ложкой, они им уже не нужны, а я их крепенько почистил и вымыл в Березине, они гораздо удобнее наших. В Советской армии именно эта конструкция господствовала после войны. Удобная «вестчь»: фляга, котелок и крышка в одном наборе, и не гремит, я на ходу поел, в обратном порядке: вначале выпил, не отходя от кухни, какао, а затем расправился с кашей и бутербродами с маслом. Набрал полную флягу вчерашнего компота. Перед НП вымыл котелок под умывальником, все сложил и сунул в чехол. На НП легкий переполох, батарея снимается, место встречи с противником переносится на 25 километров от данного места. Село Липки, в 13-ти километрах восточнее Борисова, верховье реки Неманицы.

Туда лучше вкруговую, хотя есть дорога, идущая по тылам нашей дивизии, но даже отсюда видно, как немцы «работают» по нашим позициям авиацией. А в батарее пока 12 автомобилей. Радиосвязи, естественно, нет. Комбат, хоть и еще не отошел от «моего предательства», но не настолько, чтобы не спросить, какую дорогу выбрать.

– Мост через Бобр поврежден, его обстреливали все утро, так что, через Яблоньку на Лошницу, и с востока подойдем к Липкам, да и лесов там больше.

Батарея собралась быстро, едва отъехали, как над Чернявкой завывали «Юнкерсы», но мы были в лесу в Маталыги. Мостик через Бобр здесь хлипкий, но мы его проскочили. Сразу за ним второй мостик. И там нас ждал «подарок»: два танка «КВ-1» нашей же дивизии, но с неполными экипажами. Только два лейтенанта, мехводы, и один заряжающий. Остальные еще вчера выехали искать топливо и масло, и до сих пор не вернулись. Комплектация у нас полная, поэтому я отвел в сторону командира, и сказал ему, что газойль у нас есть, через мосты эти танки не пройдут, да и надобности в них у Чернявки нет.

– Давайте заберем. Потом отберут, конечно, но в Липках они нам ой как понадобятся.

– Газойля много?

– Две тонны для дизель-электростанции. А мы ей пока даже не пользовались.

– Черт с ним. Предлагай лейтенантам, согласятся, значит возьмем с собой.

Лейтенанты, которые понимали, что почти 50-титонный танк далее не пройдет, мгновенно согласились. Чтобы не слишком дымили, они немного бензина автомобильного плеснули в баки. И мы тронулись дальше. Еще на подходах к Лошнице стало понятно, что оборонять придется ее.

Пройдя через поселок, мы углубились в лес, оставив позади спешно собирающийся в эвакуацию городок. Не доходя Липок, обнаружили два батальона 175-го мотострелкового полка. Здесь же находился майор Новиков, командир этого полка.

– Успели-таки. Молодцы, противотанкисты. А то справа у нас 6-й полк и 12-й танковый, а первый батальон в арьергарде, третий – слева, а здесь полный швах! А попрут сюда! Так что, зарывайтесь в землю, машины в лес, и сидим тихонько. Танков у немцев – мама не горюй.

– А что случилось? – спросил наш комбат.

– Немцы мост захватили, бетонный. Отвлекли гарнизон высадкой десанта у Старо-Борисова, а сами прорвались к мосту и перебили саперов. А вместо десанта – кукол сбросили на парашютах.

Внимательно осмотревшись, установили орудия справа и слева от шоссе, придав каждой половине батареи по танку. Расчеты ставили далеко друг от друга, и тщательно маскировали. Ночью подъехал Ногинов. Из 18 орудий в дивизионе осталось десять, шесть из них у нас. Шацкого и Филиппова, командира первого взвода, он сделал командирами танков. Оба отлично стреляют, и артиллеристы, а не кавалеристы. Несколько раз прочел им нотацию, что действовать только пушкой, и оборонять танк поставил по отделению из разбитых расчетов.

Все началось с раннего утра. Мотострелки отрыли ячейки, не слишком их маскируя, поэтому артиллерия и самолеты противника обрушились на позиции 2-го и 3-го батальона со всей яростью. Из-за Березины работала тяжелая артиллерия немцев, которые под ее прикрытием готовили атаку из леса у Неманицы. Молотили долго, им спешить и экономить боеприпасы ни к чему. Первую атаку начали только в 8.30, позавтракав и размявшись. Атаковали с обеих сторон от шоссе и железной дороги. Более мощный удар пошел на правый фланг, но более 40 танков направилось в нашу сторону. ПТО участка – это артиллерийский полк дивизии, 76-мм Ф-22, выведенный на прямую наводку, и шесть наших пушек. Отличились Шацкий и Филиппов. Каждый из которых подбил почти 10 танков, восемь и девять. Били с места, почти не двигаясь, позиции сменили только после того, как рядом начали рваться 210-мм снаряды. Поле у Первомайского покрылось чадящей немецкой техникой. А вот у Неманицы получилось наоборот. Там наши потеряли тридцать пять машин. БэТэшек, в основном. Там пытались устроить встречный бой. У нас шестеро раненых в расчетах. У меня синяк на плече, хотя с оружием я, вроде как, обращаться умею, но набило плечо вполне качественно. Отдача у винтовки очень приличная.

Немедленно появился полковник Крейзер. На фоне неудач 6-го мотострелкового и 12-го танкового полков, здесь у нас просто «Ледовое побоище» получилось. А у него приказ: выбить немцев с правого берега Березины. Но местность – сложнейшая! Слева от железной дороги – сплошные болота, справа – болотистая река Сха. И узкий перешеек, созданный насыпями двух дорог, который находится под огнем крупнокалиберной артиллерии противника. И его авиация господствовала в воздухе. У нас на НП «дивизиона» он появился в 10.30, и не один, с ним были интендант второго ранга корреспондент Кирилл Симонов¹, и фотокорреспондент «Известий» майор Трошкин. Пока полковник беседовал с нами, корреспонденты сползали на поле боя и сняли целую панораму из подбитых немецких танков. Чуть погодя наш результат был превзойден на нашем же фронте, но под Могилевом. Но это было уже 10-го июля. И они тоже там работали. Но это поле битых танков было первым, запечатленным в фотохронике войны. Совершенно не спорю и не пытаюсь сравнить два этих боя: 388-й полк действовал в окружении и в отрыве от основных частей 172-й стрелковой дивизии, хотя многие из ее частей свои позиции не покинули и принимали участие в тех боях. Здесь действовала «свежая» Пролетарская дивизия, на довольно узком участке фронта. Но, тем не менее, корреспонденты были очень

¹ Настоящее имя писателя Константина Симонова

довольны, и немедленно попросились убыть в тыл, ограничившись лишь интервью с комдивом, данным им вчера.

Полковник Яков Крейзер был «пролетарцем» практически с самого рождения дивизии. По замыслу тогдашних руководителей армии, не пожалевших денег на создание громадного полигона в Алабино, под самой Москвой, именно в таких кадровых центрах будет происходить обучение младшего, среднего, старшего и высшего командного состава Красной Армии будущего. На ее базе отрабатывались новые приемы ведения войны, здесь испытывалась новая тактика и техника. Здесь создавались первые военные городки, столь памятные всем, кому довелось в них жить, то есть решался вопрос с размещением и воспитанием подразделений. И с 1927 года Яков Григорьевич служил в этой кадровой дивизии. Отсюда уходил на курсы «Выстрел» и в академию имени Фрунзе. После небольшого перерыва в полтора года, он вернулся в родные пенаты на должность командира этой мотострелковой дивизии. Увы, никакой легкобронированной техники, для перевозки в бою «стрелков», дивизия не имела. На вооружении находились двух и трехосные грузовики «ГАЗ АА» и «ААА», в количестве, рассчитанном на перевозку всего личного состава дивизии, обеспечения ее жизнедеятельности в условиях ведения боевых действий. Это обстоятельство накладывало серьезные ограничения на район боевых действий. «В идеале», по задумкам авторов проекта, ВВС РККА, с помощью громадного числа поставленных в строй самолетов, и такого же количества свежее обученных летчиков (напоминаю для «забывчивых», что до 1939 года Советский Союз имел армию мобилизационно-территориального типа, а не кадровую. Как это работает, вы можете прочитать в трудах идола и памятника жертвам «кровавого Сталина» маршала Тухачевского или вспомнить историю покорения Крыма немецко-фашистскими и румынскими захватчиками, когда 51-я армия, набранная по этому принципу, разбежалась с готовых и оснащенных позиций на Перекопе и составила большинство полицейских сил на полуострове), разгромит авиационные соединения противника, завоюет пресловутое господство в воздухе, и только в этом случае... дальше можно не продолжать. Так вот, благодаря мудрому руководству командующего ЗОВО генерала Павлова и остальных лиц высшего командного состава округа, они «пролюбили», выданные страной им, самолеты, танки, склады и личный состав вверенных соединений. За 9 суток наступления противник продвинулся на 464 километра по прямой, при наличии чуть ли не единственного шоссе, остальные дороги были грунтовыми, наступая со скоростью 51 километр в сутки. Несмотря на то обстоятельство, что ему пришлось преодолевать несколько оборонительных районов. «Москвичи» успели только к шапчному разбору, хотя времени на развертывание у них немного было. Первые столкновения разведки дивизии с противником произошли под Смолевичами в 35-ти километрах от Борисова. Тем не менее, оборонять Ново-Борисов Крейзер не стал, возложил эту миссию на полковника Гришина, командира 2-й стрелковой дивизии 1-го стрелкового корпуса, возвращавшегося из отпуска в Осовец. Дивизия была «сборной» и состояла из деморализованных и задержанных заградотрядами бойцов и командиров РККА, отходивших от мест постоянной дислокации. По приказу генерала Павлова корпусной комиссар Иван Сусайков и полковник Лизюков отвечали за оборону Борисова и трех переправ через Березину: у Веселова, в 19 километрах от Борисова, в самом Борисове и у Чернявки. Две из трех переправ они «пролюбили».

Фильм «Живые и мертвые» смотрели? Так вот тот самый «танкист Иванов, на котором вся Россия держится», имел фамилию Лизюков, будущий командующий 5-й танковой армии, погиб под Воронежем спустя год. Сусайков в романе практически не упоминается, только как безымянный начальник гарнизона города Борисов, который ничего не знал и ничем помочь бедному корреспонденту Синцову не мог. И которого тот «понижил» до звания бригадный комиссар. На самом деле Сусайков в то время уже давно был корпусным комиссаром, что соответствовало званию генерал-лейтенанта, стал им в 36 лет. Но, количество ромбов не прибав-

ляет умения руководить войсками. Тот крошечный ад, который творился в Борисове, описан бывшим военным интендантом 2-го ранга Симоновым, в деталях, а не в стратегическом плане. Но это не важно! Полковник Крейзер выполнял «свой приказ»: занять оборону на правом берегу реки Березина и задержать продвижение немецких войск на Оршу. Этим же занимался и я. Как и он, я тоже не стремился на другой берег реки, но успел заминировать подходы к мосту и предусмотрел еще один способ его уничтожить, если бы курсанты подвели. Увы, стремительно действующие войска генерала Неринга захватили мост и создали плацдарм на правом берегу. Их продвижение вперед мы остановили со значительными потерями, к сожалению, не только у противника, но и у нас.

Полковник вошел на НП и сходу приказал всем выйти, кроме командиров. Я тоже поднялся на выход, но был остановлен Михаилом Васильевичем.

– Сержант Голованов, оставайтесь!

– Есть! – ответил я, и остался возле стола, на котором лежала «500-метровка».

– И что так? – спросил полковник, усаживаясь за стол, и переворачивая на себя карту.

– Старший сержант Голованов, командир взвода управления первой батареи, проявил себя в течение этих двух дней, товарищ полковник, фактически командуя батареей. К сожалению, вновь назначенные средние командиры такой подготовки не имеют и понижены мной до уровня командиров орудий и взводов. У него нервы крепче, дисциплина лучше и опыта побольше.

– Пусть будет так. Каким образом удалось нанести такие потери противнику?

– В первую очередь, за счет инженерной подготовки позиций, товарищ полковник. Плюс мы задействовали оставшиеся без топлива танки 12-го полка, подобранные нами в районе Велятичей. Они были посланы на помощь 4-му батальону без учета грузоподъемности мостов на реке Бобр. Кроме того, было оговорено с командиром 175-го полка, что его танки будут действовать только из засад, из леса. У противника танки Т-III, бьются в борт нами на любой дистанции.

– Как они «бьются», я вижу! У Неманицы батальон сгорел.

– Так бить-то с места нужно! И прицельно, товарищ полковник! Пушки-то у нас одинаковые. Но у моих 5–8 уничтоженных танков и потерь нет, шестеро легкораненых. А у соседей – сгоревший батальон. И маскировать позиции нужно.

– Все так, сержант, но нам приказано ликвидировать плацдарм. Одной обороной тут не обойдешься. Требуется атаковать.

– Если атаковать в лоб и днем, то все танки на поле останутся. Авиаприкрытия нет. Поэтому атаковать нужно ночью, от Стайки. И не танками, а пехотой, при поддержке танками. Прорваться ночью к мосту и рвануть его. А после этого можно и остатки 18-й танковой погонять по округе.

– И как вы видите эту операцию?

– Так вот, товарищ полковник. Здесь все нарисовано, вот только разведрота наша пока неизвестно где, требуется подобрать и обучить бойцов: как охранять танки, что делать, какие немецкие орудия представляют для них опасность.

– Ну, дивизионная разведка заменит вашу артиллерийскую. Это не проблема.

– А там минеры есть?

– Значит, еще и взвод инженерной разведки. Что еще?

– Минометы и мины, товарищ полковник, противопехотные и противотанковые: ЛМГ генерала Галицкого и ТМД-40.

– Это еще зачем?

– Минометов у нас просто нет, а они понадобятся против зенитных расчетов. Немецкие пушки «88» миллиметров могут поразить «КВ», и они наверняка обороняют мост. Они же

требуются чтобы подсветить местность. Вот их позиции требуется подготовить в инженерном отношении. Немцев много, могут попытаться атаковать минометчиков. Пехота выдвинется от Стаек через лес, он – болотистый, так что немцев там, скорее всего, нет, но разведка не мешает. Форсировать железку будет здесь, напротив завода. Там, вероятно, будут находиться танки и пехота противника, прикрывающие мост. На той стороне шоссе – кладбище, завод можно атаковать с разных сторон. Вторая группа пехоты с минометами выдвинется вот в эту точку у станции Березина. Оттуда позиции зенитчиков будут как на ладони.

В общем, вместо того, чтобы отдыхать после боя, я был вынужден гонять усиленную разведроту с батареей 82-х миллиметровых минометов. Сами немцы притихли, работала только их авиация. К атаке Крейзер подключил две роты третьего батальона. К тому времени остатки первого вышли лесами к позициям второго и подтвердили, что немцы в лес не вошли.

Что касается моста, то мы нашли способ, как доставить саперов в нужное место! Дело в том, что к мосту можно было попасть только по шоссе. И с дороги не свернуть: болото. Почему никто не заминировал шоссе – осталось в стороне от моего восприятия действительности. Но, такова жизнь. Городу Борисову скоро тысяча лет, и всегда он находился на правом берегу реки Березина. А он заливается каждый год. Левый берег был высоким, и до появления там станции Борисов, кроме небольшой крепостицы на острове (поселок Дымки) там мало кто жил. Все мосты строились исключительно к той крепости. Но, советские инженеры – лучшие в мире! И в 1939-м году было запланировано строительство железобетонного автомобильного моста! От тюрьмы до улицы Березинской. Насыпали дамбу, но мост построили по другому проекту. Что стало с предыдущими авторами проекта – история умалчивает. Мост получился много длиннее и дороже, проходил мимо города Борисов. И, через мост через реку Сха, соединялся со старомосковским шоссе. Для того, чтобы попасть в Борисов, требовалось свернуть у того самого дреззавода, о котором я уже писал выше. Вот на этом мы и сыграем!

Как только немецкая авиация прекратила свою работу, так мы двинулись занимать исходные позиции. Минометчики ушли еще раньше, хоть и недалеко, но осмотреться требуется, привязать себя к местности. Основная группа: четыре танка «КВ-1» и три «Т-34». Вначале обстреляли и подожгли дреззавод, кроме досок и бруса он выпускал древесный спирт. Горело просто шикарно, затем два из семи танков свернули на будущую улицу «1-й Московской дивизии». Мост через Сху их бы просто не выдержал, так они вброд, чуть ниже моста, и по Дзержинского на «Интернациональную», теперь она «3-го Интернационала», ну, чтоб не перепутали, повернули налево. У отворота на сожженный переходной мост подали сигнал к атаке! Минометчики начали обстрел позиций четырех артбатарей, противотанковых и ПВО, а эти два танка по старой насыпи, не сделав ни одного выстрела, въехали под мост у предмостного сооружения правого берега. Вначале саперы обложили все четыре опоры 1–2 пролета накладными зарядами, затем обнаружили, что основные фугасы целы и лежат под предмостьем. Зацепили тонким тросом, и рванули назад. Первыми сработали заряды на опорах, два пролета просели, они еще не дошли до точки, где могли бы остановиться, когда рванул фугас под предмостьем. До судходных пролетов было не дотянуться. Но и это хлеб! Триста метров назад и соединились с основной группой. Два моста из трех перестали функционировать. Теперь остается только Веселово, а это несколько проще!

Без потерь не обошлось, но танки вернулись все в Стайки, два из них на буксирах. Пехота и минометчики тоже немного пострадали из-за артиллерии противника. Но большая часть программы минимум была выполнена. Сам я «работал» в отвлекающей группе, мы пошли «вприрядку» перед немцами на расстоянии 850 метров по прямой, отвлекая их от подрывной группы. Один «ахт-ахт» и три противотанковые «пятидесятки» на этом берегу реки составили наш «доход». И, вроде как, попали несколько раз по орудиям на том берегу реки. Но ночь, хрен чего разглядишь! Минометчики достали еще одну «88», мы ее даже и не видели. У двух повре-

жденных танков выбиты «ленивцы». Все вроде хорошо, да вот Ставка теперь требует Борисов, левобережный. Блажен, кто верует! Хотя, если так не подставлять под огонь гаубичный полк, то задача решаемая. Выдвигаемся вперед, усиливая оборону на правом фланге. Действовать ночью немцы не любят, им Люфтваффе подавай! А мы зарываемся, зарываемся и зарываемся. Бедные ладошки! Хоть бы траншеекопатели кто-нибудь «изобрел». Из пяти мостов в Борисове остался один: железнодорожный. Следующий день показал, что немцам Борисов стал глубоко не интересен. Технику они побросали, благо что летом и вода теплая, и речка не слишком широка. Да и погибать за фюрера – дело тухлое! Выбомбит люфтваффе – они пойдут дальше. Пока работает оно и артиллерия противника. Вялая перестрелка в районе «старого» города, который ни Крейзер не хочет брать, ни немцы не пытаются отходить. Так как к утру 3-го июля и район Веселовской переправы перешел под наш контроль, и она запылала, то новые тактические приемы уже освоены «Пролетарской» дивизией. Добиваем отдельные немецкие подразделения, оказавшиеся на нашем берегу. Подвозим боеприпасы, с некоторым трудом. Расстались, видимо окончательно, с танковым училищем, они убыли в эвакуацию. А так, роем, роем и еще раз роем. Занятие довольно скучное, но необходимое. Затем нас вернули под Чернявку, так как там появились Т-III той же 18-й дивизии, но со значком «водолаза» на правой стороне башни.

Однако, это служило маскировкой основных действий вермахта. Прорыв они осуществили значительно левее и правее, вне ширины фронта нашей дивизии, у Березно и Бабцов. Задержать их удалось только на неделю. Даже окончательно выбить их из Борисова не успели. Теперь «выравниваем линию»: основные части дивизии отходят к реке Нача, это за Лошницей. Пополненный 175-й полк будет играть роль арьергарда и действовать из засад. Но нас отводят к Кладзям, создавать там противотанковый рубеж. Неудачу в одном месте вермахт компенсирует в другом. Но, насколько нам известно от пленных, 18-ю танковую дивизию отводят на переформировку во Францию. Жаль, что нам таких условий не предоставляют! Машин в батарею поубавилось, так что не все имущество удастся загрузить на них и на танки. Орудия ушли, мы же, как пехота, добираемся к месту назначения на своих двоих. Если сумеют разгрузиться, то приедут за нами. Жарища, печет так, что деваться некуда. А шлепать 34 километра с полной выкладкой. Да и с кормежкой некоторые проблемы. Выдали сухим пайком, якобы на три дня, а там по банке тушенки 420 граммов на двоих, и банка каши каждому. Половина буханки хлеба. Поэтому в первой же деревне устраиваем привал и варим «бульбу», прошлогоднюю, из вскрытых и вывезенных буртов. Её довольно много, вывозили явно второпях. Обед не занял много времени, но картохи отварили довольно много, поэтому я положил «лишнюю» картошку в котелок, добавил воды, в которой ее отварили, размял ее в пюре, и добавил туда всю «свою» половину тушенки. Юрий, из взвода управления, с которым мы «делили» эту банку, сделал тоже самое, попросив у меня мой нож с вилкой. Алюминиевой ложкой такую операцию сделать довольно затруднительно, и тоже создал небольшой запас продовольствия на случай долгого пути. Глядя на меня, почти все на батарею «вооружились» немецкими флягами и котелками, благо, что последнее время этого имущество было найдено в избытке. Мертвым оно не требуется.

Котелок припекал задницу, поэтому пришлось его подвесить к рюкзаку. В отличие от всех вооруженных сил Советского Союза красноармейцы-«пролетарцы» использовали именно «буденновские рюкзаки», а не вещевые мешки. Рюкзаки, правда, в большую серию не пошли, а жаль! Новое пополнение поступает уже без них. Но у нас таких всего пятеро.

Дав людям поваляться на солнышке двадцать минут, я подал команду «Приготовитесь к маршу!», а затем «Становись!» Средний комсостав уехал на машинах к новому месту дислокации, так было удобнее на маршах, меньше вопросов задают, и постоянно называют меня «старшиной», хотя я И.О. комбата. Назначив головной дозор, арьергард и фланговых наблюдателей, я подал команду: «Направо! Шагом марш». И батарея попылила по дороге.

Лес справа, дорога идет вдоль него. Пыли не слишком много, грунтовка хорошо посыпана песком, и только там, где прошли наши танки, грунт был немного вывернут и идти по этому следу было неудобно. Я разрешил одной из колонн следовать ближе к обочине. Через пару километров, заметив появившиеся самолеты противника, мы свернули на дорогу, ведущую через лес к Маталыгам. Восемь километров по теньку, и мы вышли к берегу Бобра. Там сделали короткий привал и переправились через неглубокую переправу. Впереди были Велячицы, где мы планировали встретиться со своими машинами. По времени получалось именно там. Машины должны были ждать нас у плотины через Начу, на правом берегу. Мы находились на левом. Вышли из леса на полевую дорогу, осмотрелись, самолетов не видно. Впереди полевой стан, на котором людей не видно. Вдруг БРД поднял руку с кулаком, и я подал команду: «К бою!». Все разбежались и легли справа и слева от дороги. Последовали сигналы мне подойти ближе. Рывком, и пригибаясь, бегу к дозору.

– Там люди, убитые. – шепотом доложил сержант Обухов. В бинокль было видно лежащих на земле людей в гражданском. Лежали странно, как будто их построили, а затем расстреляли. Я подал знак батарее: «Перебежками вперед». Дождались, когда батарея подтянется, и тогда разведдозор двинулся вперед. Тихо, никто не стреляет, только стрекозы шелестят крыльями, да в небе заливается жаворонок. Там две рощицы справа и слева, где черта спрятать можно. По сигналу сержанта двинулись вперед. Гильзы, наши. И человек двадцать довольно свежих трупов, мужчины-старички, женщины и несколько детишек. Я просто спиной ощутил, что кто-то на меня смотрит! Прыжком ушел в сторону, перемахнув через лежащие тела. Раскатистый выстрел и затвор подал новый патрон, а из рощицы ударил «МГ», его не перепутаешь! Вторым выстрелом я его заткнул, но мои «бойцы» – артиллеристы, а не стрелковая часть, поэтому открыли беспорядочную, но частую стрельбу. Под их прикрытием я произвел еще четыре прицельных выстрела, и подал команду: «Перебежками вперед!», указав им направление. Стрельба из рощицы стихла, противник попытался оторваться. «В атаку, вперед!». Кто-то из особо рьяных закричал «Ура», но его не поддержали.

– Обухов! Осмотреть! Остальные, вперед! – роцца примерно полкилометра длиной, довольно густая. Еще раз ударил пулемет, но бойцы загрохотали выстрелами так, что было не понять откуда он бьет. Вот он! Посылаю туда три выстрела. Готов! Подбегаю, лежит «лейтеха» НКВД. Выскочили из рощи и увидели пятерых бегущих. Ствол на ветку, и как в тире. Основная неприятность нас ждала у плотины. Троим нашим шоферам и младшему политруку Геслеру придется выписывать похоронки. Их в ножи взяли. В батарее тоже две похоронки и трое раненых. На пустом месте! Прогулялись!

Развернул батарею, прочесали еще раз поле и рощу. Двое пленных: один раненый немец, по-русски не говорит, а у второго нашли в кармане бело-красно-белую повязку. Оружия у него не было, но руки в масле, указательный палец в копоты, в сумке, найденной неподалеку, патроны к винтовке и пистолету.

– Не маё! – заверещал гад.

– Конечно, охотно верю. Цепляй свою тряпочку и пошли!

Довел его до полевого стана, где лежали его соплеменники.

– Чем они тебе не угодили? Повесь-ка вот туда вот эту веревочку! И вторую. Там и стой!

Веревочку на шейку повесь.

– Нет!!! Ёсё расскажу!

– Да кто тебя слушать будет. – тут поднесли раненого.

– За убийство ни в чем неповинных советских людей, диверсант и предатель приговариваются к смерти через повешение. – сказал я и выбил из-под ног подонка скамейку.

– Чего встали? Поднимайте, и...

– Он же раненый.

- Он – в нашей форме.
- Тащ сержант, да пристрелите вы его!
- Вот еще, патрон на него тратить!
- Не по-людски, тащ комбат.
- А они – люди?
- Нет, конечно, но самим грех такое делать.

– Обухов, он бы тебя повесил, и не поморщился. Еще нагладишься. – я примкнул штык к винтовке и воткнул его в горло немцу, пробил даже шейный позвонок. Злой был, и из-за потерь, и из-за жалостливости личного состава. Не готовы они еще убивать, а времени на раскачку нет. По танкам стрелять могут, и все. Немцы для них – просто мишени. Ненавидеть еще не умеют.

- Всё, чего встали. Кругом! К плотине, марш.
- А люди? Похоронить треба! – сказал кто-то из бойцов.
- Вон, местные идут, они и отпоют, и похоронят. Чать не бойцы, и кладбище на селе имеется. Кругом! Шагом марш, в колонну по два!

Проходя мимо толпы, спешащей навстречу, двое даже с «берданками», услышал:

- Кто старший? Командир кто?

– Я, командир первой батареи 123-го истребительно-противотанкового дивизиона старший сержант Голованов.

- Старшина калгхаса Вэрейчук. Што здарылася? Сувязі няма, з самай раніцы стральба.
- Не понимаю! Немцы высадились, диверсанты, ваших там порешили. И моих шестерых.
- Учора прыезджалі чырвонаармейцы, камандзір такі далікатны, усё па форме.
- Вот они деликатно ваших и покрошили. Хороните убитых, и – на восток, старшина.

Бывай!

Я хлопнул его по плечу и двинулся за своими, которых останавливать не стал. Сельчане в эвакуацию не особо стремились, «А нас-то за шо?», они тоже не понимали, как и мои бойцы, что пришли совсем другие времена.

Глава 2. «Ваша задача, майор, прикрыть Витебск!»

Погрузили все и всех в машины, нашли и рации, и три пропавших винтовки водителей, кроме пистолета Геслера, пулемет и боеприпасы, винтовки Мосинки с глушителем и без, трупы своих и врагов, усадили бойцов, развернулись и тронулись. Из головы не выходил младший политрук. Немцы ведь на нас засаду делали, иначе зачем им с главной дороги уходить на проселок и лезть в рожицу. Кто-то, не будем называть имени, сообщил им, что с юга подойдет личный состав батареи. А надувать щеки и делать важный вид умел только он. На пустом месте. Да он и был пустым местом, толку от него совсем не было, а еще б немного и стал бы комиссаром батареи. Вот бы заплакались! Но злость на себя не проходила! Зря ребят в атаку поднял, себя пожалел, да и не готовил никого к таким действиям. Ведь пока петух не клюнет – мужик не перекрестится. Требовалось за дорогой послать взвод на пятьсот метров вперед, выбивая диверсантов и поддерживая взвод огнем, а затем охватывать их с двух сторон, а не бегать по лесу, нарываясь на кинжальный огонь. Тяжелая баранка “Газика” едва слушалась, приходилось много тормозить двигателем, так как тормоза никакого воздействия на колеса не имели, но «три А» шла плавно, даже по такой дороге. Колос, Нача, Кладзи, приехали! Регулировщик машет рукой, направляя в сторону лесной вырубki. Въехали в лес на второй скорости, через 400 метров еще один регулировщик махнул нам поворачивать налево. Тут довольно много народа. Я остановился, не зная: куда ехать. Все, кто знал, уже ничего сказать не могут.

– Боец! Медсанбат где? – тот рукой указал направление, раненых понесли и повели в том направлении. Ни одной знакомой рожи! Ага! Есть один! И не кто-нибудь, а комдив. Идет прямо на нас, хотя за каким чертом мы ему понадобились – неизвестно.

– Товарищ полковник! Разрешите обратиться? И.О. командира первой батареи ИПТД.

– Зайдете ко мне вон в ту землянку! Что хотели?

– На подходах к Велячицам вели бой с немецкими диверсантами. Кому, кроме вас, доложить? И где наш дивизион, так как всех, кто знал, немцы убили.

– Это в соседней от меня землянке. Штаб дивизиона вот по этой дороге в 400 метрах. Сколько потеряли?

– Шесть человек, двое ранено.

– Это – мелочь. Занимайтесь своими делами, товарищ старший сержант. Не забудьте ко мне зайти через полчаса.

– Есть, товарищ полковник.

Доложил о бое в 3-й отдел дивизии, пришлось им отдать нажитое непосильным трудом, а вот пройти в землянку штаба дивизии незаметно не получилось! Путь мне преграждали, только что подъехавший, маршал Советского Союза Тимошенко, лысый генерал-лейтенант в наглаженной форме, и пятеро генерал-майоров. Одного я из них уже видел, это командир нашего 7-го корпуса генерал-майор Виноградов. К «нам» он заглянул один раз, чтобы обругать всех, что «левый» Борисов не взят. 6-го числа видел, трое суток назад. Мы еще под Борисовым стояли. Несмотря на властный вид и грозный голос, комкор не был знаменит: в январе 40-го сменил командира 47-го корпуса под Кемью, с нулевым результатом, дивизию из-под Суомуссалми он выгнать так и не сумел. 7-й мехкорпус в этой войне будет расформирован 17-го июля 1941 года. После этого занимался тыловым снабжением нескольких армий. Там и прижился. Так что, похоже я не вовремя. Но получив приказание комдива, надлежит его выполнить, попасться на глаза, и получить новое приказание. Остался стоять памятником неподалеку от входа. Полковник появился через пару минут, и сразу начал докладываться комфронта. Но так как прозвучала команда «Смирно», я встал «еще смирнее», повернувшись лицом на маршала, и сжимая правой рукой ремень снайперской винтовки. Наконец, рапорт был

окончен, рука комдива скользнула вниз, и он чуть наклонился вперед, пожимая руку «самого маршала». Тот что-то негромко ему сказал.

– Конечно, товарищ маршал! Оба здесь. Прошу! Заходите, товарищи генералы. – комдив резко повернулся ко мне, и показал рукой, что я «тоже генерал». Приглашение касалось и меня, хотя я об этом даже не догадывался. Внутри землянки горели электролампочки. Было светло и свежо, видимо, и вентиляция присутствовала. Я встал у стеночки, рядом со мной находился командир нашего дивизиона, который успел пожать мне руку. По мелькавшему слову «Сенно», я понимал, что собралась присутствующие не совсем просто так, но с некоторой задержкой. Во-первых, наша дивизия в этом сражении не участвовала, она к тому времени была обескровлена и выведена на отдых и пополнение. Да и должна была находиться в окопах перед Оршей. А отсюда до Орши еще сто километров. Как и положено, совещание начал Нарком Обороны Союза ССР, маршал Советского Союза товарищ Тимошенко. Лично у меня в этом случае, когда я слышу эту фамилию, всплывает воровка с косой, но маршал вовсе ее не напоминает. Несмотря на мое присутствие, а я – младший командир, вопросы маршал поднял суровые: Западный фронт провалил оборону на всех направлениях. Ну и начал загибать пальчики: где и кто. Упомянут и генерал армии Павлов, и сразу в таком ключе, обвинительном, что всем стало понятно, что маршал Тимошенко начал с того, что написал первое письмо, из трех положенных. Внутренне я этому усмехнулся, но виду не подал. Все, затаив дыхание, слушали Наркома, который приехал все исправить. На самом деле он давно здесь, с первого числа, а фронт так и продолжает сыпаться. Тут он перешел к нашей дивизии. Можно было расплыться в улыбке и считать, что гроза прошла мимо! Заговорил и о нашей батарее, отдельно упомянув, что командование ею принял старший сержант Голованов, поэтому, дескать, данное мероприятие проводится именно в штабе 1-й Пролетарской мотострелковой дивизии, с честью удержавшей рубежи на реке Березина. И что он, маршал Тимошенко, имеет поручение Верховного Совета СССР вручить мне высшую награду Родины, орден Ленина. И лично, от своего имени, производит меня в майоры. Маршал браво глянул на меня, и приказал подойти, что я и сделал. Слава богу, не один парад на Красной площади отходил, со строевой у меня все в порядке. Мне прокололи дырочку на левой стороне гимнастерки, и прикрутили орден. Нет, чтобы отпустить меня с миром, так маршал приказал слово молвить!

– В три тридцать 30-го июня 1941 года нас поднял по тревоге командир дивизии полковник Крейзер, и приказал строиться в походную колонну. Это было под Оршей, куда мы только-только прибыли, суток не прошло. Комдив зачитал нам приказ комфронта генерала Павлова, в котором говорилось, что нашей дивизии предстоит совершить 130-тикилометровый марш и оседлать три переправы на Березине. И, что кроме нас, этот приказ не может выполнить никто. Такой мобильностью обладаем только мы. Мы выдвинулись и успели оседлать переправы...

Упоминание Павлова было, конечно, лишним, но полностью соответствовало тому, что происходило под Оршей. Маршал недовольно посмотрел на Крейзера. «Герой» оказался «с начинкой» и не соответствовал моменту. Меня прервал маршал, задав вопрос полковнику:

– Именно так и было?

– Да, именно так было написано в приказе, и я, действительно, зачитал его перед строем. Во время марша не отстала ни одна машина, ни один танк, товарищ маршал, хотя двигались на предельной скорости.

– Молодцы, мотострелки! Так когда твоя батарея 39 танков уничтожила, майор?

– Тридцать один, товарищ маршал, утром 2-го июля под Первомайкой. Еще восемь на счету других подразделений. Но в газете «Известия» написали о тридцати девяти, упомянув только нашу батарею и два приданных танка. Больше всех подбили танки, семнадцать штук, но командовали там командиры нашей батареи, как наводчики и командиры танков. Мы их «подобрали» без топлива и с неполными экипажами. Так у нас и числятся.

– Почему?

– Я разрешил. – ответил Крейзер, – Удачно получается, товарищ маршал, особенно при массированных танковых атаках немцев. Это значительно повышает ПТО участка фронта. А дивизион у нас неполный, часть орудий и личного состава, приданных первому батальону 175-го полка, действовавшего на участке непосредственно у Борисовского автомоста, потеряно. Восемь орудий.

– Причины? – отвечать пришлось командиру дивизиона.

– Капитан Ногинов, командир 123-го ИПТД. Два орудия выведено из строя тяжелой артиллерией, а шесть, третья батарея, плохо замаскировала орудия, находясь в одной линии обороны с первым батальоном. Там танки и пикировщики поработали. У людей первый бой был.

– Враг ошибок не прощает, капитан. Тем не менее, ко мне! – и орден «Красного Знамени», второй, украсил грудь комдива. Первый у него за Хасан.

– Ну, что! Торжественная часть на сегодня закончена. Благодарю вас, «пролетарцы». Так и продолжайте громить врага. А у нас, товарищи, конкретная задача: правый фланг!

Нас выпроводили, хотя комдив успел шепнуть на ухо, чтобы далеко не отходили. Мы вышли на солнышко, и я доложил о текущих делах.

– Хорошо, Сережа. Людей, конечно, жаль, но выкрутились и бог с ним. Слушай, тут нам новую матчасть сватают, десять «ЗиС-2», восемь подойдут чуть позже. Полковые взвода и батареи практически разгромлены, им «сорокапятки» нужны. Предлагают такой обмен.

– Тяжелая? – я спросил его не потому, что не знал, а чтобы что-то сказать.

– Смотря как считать, на 500 килограммов, а в расчете 5, а не четыре человека.

– В два раза тяжелее?

– Ну, да.

– Так на север-то пошлют?

– Скорее всего.

– Ее «три А» не потянет.

– Да, конечно. Тягачи к ней дают, причем хорошие: «Ворошиловцы». Помнишь такие?

– Ну, да.

– А ты чего сидишь? «Пилы»-то на «шпалы» меняй!

– А где их взять?

– Вот народ! Чуть что – сразу побираться! Я думал: мне еще одна шпала достанется. Держи! С тебя причитается!

Пришлось скинуть гимнастерку, хотя приказа о присвоении я еще не получил, и крепить на закрутках четыре шпалы. Не успел еще закончить, как из землянки выскочил адъютант комдива, и пригласил обоих пройти в штаб. Там шла отчаянная баталия между уже успешными немного повоевать с немцами командирами и «хорошо знающими Уставы и Наставления» остальными участниками совещания.

Лысый генерал-лейтенант неожиданно заговорил, буквально, моими словами.

– Товарищ маршал, если атаковать днем и лоб, то все танки останутся на поле боя. Опыт первой Пролетарской нам говорит, что действовать необходимо по-другому. Когда мне доложили, что комдив Крейзер отказывается атаковать противника днем, я точно также среагировал, что дескать, трус, воевать не умеет. Снял трубку и наорал на него. Он мне по полочкам все и разложил: что 6-й и 12-й полк действовали по Боевому уставу, развернулись четко, он лично наблюдал, не замешкались, действовали, как на учениях, за которые вы их, лично, наградили Почетной грамотой и отметили в приказе от 20 июня. Потеряли батальон и четыре тяжелых танка «КВ». Им пришлось отойти и сдать позиции, потеряли два с лишним километра территории. А 175-й в атаку не пошел, выбил 39 из сорока танков и продвинулся на 4.5 километра. А ночью подорвал мост и забрал все, что было потеряно днем не только им, но и Бори-

совским училищем. Чуть позже, действуя тоже ночью, 6-й мотострелковый и 12-й танковый вернули контроль над переправой у Веселово, и по приказу сожгли ее. Ночью люфтваффе не летает, товарищ маршал. Воевать тяжелее, но эффект гораздо больше. Днем действовать из засад и от обороны.

– Товарищ Курочкин! Вы считаете, что Красная Армия не в состоянии воевать с немцами днем? – спросил кто-то из «знатоков».

– С учетом потерь в составе авиации, и не имея воздушного зонтика, да, я считаю, что действия без воздушного прикрытия нанесут непоправимый вред нашему фронту. Требуется беречь силы и действовать безошибочно. Каждая ошибка используется противником в свою пользу. Давайте спросим у командиров, которые успешно провели бои в эти дни? Майор Голованов! Сообщите ваши потери за все дни боев?

– За первое число – потерь нет, 5 танков, 8 транспортеров, рота пехоты. За второе – шестеро легкораненых, про потери противника уже говорил. Пехоту не учитывали. До сегодняшнего дня более потерь не имели. Сегодня: шестеро убитых, четверо – зарезано диверсантами, двое погибли в бою с ними. И двое раненых: один – легко, но в медсанбате, второй – тяжело, отправлен в Смоленск.

– Где это было?

– У Велячицы. Диверсанты в нашей форме. Убили наших водителей, младшего политрука Геслера и около двадцати гражданских лиц.

– И что?

– Диверсионная группа уничтожена. 14-ть диверсантов. Трупы и оружие сданы в третий отдел дивизии.

– Это все хорошо, но к делу не относится. – сказал маршал и подошел к столу. – Взгляните, майор. Ваши предложения?

– Сколько времени у нас есть, чтобы подготовить оборону.

– Примерно двое суток.

– Тогда... Разрешите? – я взял чистый листок бумаги и изобразил «звезду»: опорный пункт ПТО, который применялся под Курском. – Это – опорный пункт ПТО. От двенадцати до 18 орудий. Это – заманивающие орудия, а это группы «наглого» минирования. Если привязать к карте, то это... – я пометил места, где требуется разместить то или иное сооружение, орудие или группу саперов.

– Вот так. Двое суток должно хватить, если привлечь к этим работам все имеющиеся силы.

Маршал смотрел, как я уродовал его стройный и красивый план на карте. Смотрел он долго, пока я рисовал сектора обстрела и дистанции.

– А это?

– Проходы, которые в бою немцам покажутся единственным способом выполнить задачу. Но это – огневые мешки. И укрытия для орудий должны быть открыты вот по такой схеме, чтобы давать 360 градусов сектора для каждого из них. Подходы к этой «звезде» должны быть заминированы.

– Карту чиркать ты умеешь! Что скажете, товарищи генералы?

– Не по уста...

– Заткнись, по делу говорить!

– Когда атаковать? – спросил кучерявый генерал-майор.

– Ночью или в условиях плохой видимости и нелетной погоды.

– Мои ночью стреляли. Артиллерия должна помочь и подсветить.

Спор между генералами затих. Все смотрели на карту.

– Ну, что! Тебе и карты в руки, майор. Обосрешься, я тебе это припомню. – Я улыбнулся, другого от него я и не ожидал.

– Инженеров надо дернуть.

– Поняли мы, поняли. Давай в самолет, и туда! – ответил «Есть», я вышел, хотя задача была поставлена настолько «общё», что говорить о постановке вообще не имело никакого смысла. Второй момент: где тот самый «самолет», на котором требовалось куда-то вылететь? На помощь пришел вышедший из штаба незнакомый подполковник.

– Товарищ майор, вас генерал Курочкин просил далеко не отходить, но глаза не мозолить перед штабом. Уедет комфронта, и возвращайтесь.

У нас все и всегда решается кулуарно, главное, чтобы начальство не знало и не смогло помешать! Еще когда маршал объявил о своем щедром «подарке», мне стало понятно, что на должность комбата мне не вернуться. До Финской войны во всех корпусах должна была существовать противотанковая артиллерийско-пулеметная бригада численностью: 6199 человек, 17 танков Т-26, 19 бронемашин, пушек: 45-мм противотанковых – 30, 76-мм Ф-22 – 42, 37-мм автоматических зенитных – 12, 76-мм или 85-мм зенитных – 36. Решение было здравое и проработанное. Наличие внутри бригады танков поддержки пехоты серьезно усиливало самооборону артиллерии, но неумелое использование таких соединений в ходе финской войны, привело к тому, что их расформировали. Оставив сплошные огрызки. Корпусов в 20-й армии было от трех до шести, из них два механизированных. Армии была придана и смешанная 23-я авиадивизия, три истребительных и 4 бомбардировочных полка. Кабы в каждом корпусе, согласно штатам, находилась бы такая бригада в 156 орудий... Эх, мечты-мечты! Тот же самый маршал Тимошенко все и посокращал. Вот и сейчас, ошарашив всех присутствующих в штабе генералов, через десять минут он вышел на свет божий, поправил фуражечку, и, даже не вспомнив обо мне, рванул в сторону Орши. Главой совещания стал генерал Курочкин, да оно и верно. К тому же, именно он «отменил» приказ на контрудар силами двух мехкорпусов 20-й армии в направлении Бешенковичей. Вернее сказать, изменил планы командующего, приказ ликвидировать прорыв у Бабцов никто не отменял.

– Николай Васильевич, докладывайте обстановку, и выкладывайте ваши соображения, как нам удержать то, что имеем в новых условиях. – сказал командующий начштаба генералу Корнееву.

– Согласно нашим данным, 19-я армия генерала Конева не успевает развернуться на позициях перед Витебском. Противник, как и в июне, при прорыве оборонительных рубежей 22-й армии, стремительно наступает в направлении Витебска. Поступивший приказ комфронта вызван именно нехваткой времени для развертывания. Понимая, что удар в направлении Бешенковичей вызовет потерю двух механизированных корпусов, предлагаю следующее: усилить 1-ю Пролетарскую еще одним танковым полком из состава 57-й танковой дивизии, наличие двух танковых полков автоматически превращает 1-ю мотострелковую в 1-ю танковую дивизию. 175-й мотострелковый полк в течение текущих суток передает свои позиции частям и соединениям 73-й стрелковой дивизии полковника Акимова. Из резерва армии для ускоренной переброски войск выделяется дополнительно 650 автомобилей для перевозки личного состава и имущества 73-й дивизии. 540 автомобилей поступают на вооружение 1-й танковой, для возмещения убыли в них в ее составе. Седьмому мехкорпусу немедленно приступить к подготовке к маршу в район города Витебск. Как определено командующим фронтом, ответственность за организацию противотанковой обороны этого направления возложено на майора Голованова. В этом пакете, майор, документы, подтверждающие ваши полномочия на этом участке фронта. Пятый мехкорпус сосредотачивается в Новолукольмских лесах, в готовности действовать в двух направлениях. Основная роль в проведении операции отводится 1-й танковой дивизии генерала Крейзера. Ваша задача: скрытно, используя Березинские леса, выдвинуться в район города Лепель, и отрезать части 7-й и 17-й танковых дивизий противника от поставок топлива, боеприпасов и пополнений, не позднее шести часов 9-го июля.

Седьмым корпусом командовал, как я уже писал, генерал-майор Виноградов, будущий неплохой начальник тыла 30-й армии и даже, чуть позже, всей Красной армии. То есть, если требовалось что-либо достать или вытрясти, то обращаться следовало к нему, поэтому завод имени Коминтерна, хоть и был, в основном, эвакуирован, но кадры еще находились на местах. Объединив его мощности и Витебской «Сельхозтехники» на базе мобилизованных тракторов «Сталинец» начали сооружать роторные траншеекопатели. Но это дело тонкое, и требующее временных затрат, поэтому экскаваторы заменили местным населением и личным составом немногочисленного гарнизона города. Маршал подбросил немного саперных частей. Основное внимание я уделил правому берегу Двины, где проходили две железные дороги: на Полоцк и Невель, и городку Островно. Основой непосредственной ПТО города стала Юрьева Горка и насыпь обводной железной дороги, соединяющей две ветки в 5 километрах от берега Двины. И опорный пункт «роща «Чертова борода»» прикрывал подход со стороны реки. Сильно я не размахивался, войск и работяг было очень мало, успеть бы сделать то, что задумано. Полоцк обороняла 22-я армия, и получить снабжение оттуда немцы не могли. Однако было неизвестно нахождение 12-й танковой дивизии немцев в составе которой находилось 40 PzKpfw I, 33 PzKpfw II, 109 PzKpfw 38(t), 30 PzKpfw IV, 8 командирских PzKpfw 38(t). Она относилась не к 47-му, а к 57-му мехкорпусу немцев, с которым мы еще не сталкивались. Она вела бои западнее Минска и до Лепеля ей требовалось совершить 216 километровый марш. Но, точных данных никто не имел, вполне могло оказаться, что она уже находится за Березиной. Время на это у нее было.

Крейзер выполнил приказ уже в три утра. Лес подходит к самым окраинам Лепеля. Полковник даже перевыполнил его, захватив сразу после этого Пышно, в 17-ти километрах северо-западнее города, серьезно расстроив логистику немцев. Главное, что смогла сделать 1-я танковая: захвачен аэродром в Лепеле, и два полка 2-й штурмовой эскадры немцев, на дальних Ju-87R, оказались уничтоженными вместе с личным составом. У меня дела много хуже: ни орудий, ни расчетов для них пока не поступило. 21 штуку наковыряли по частям и весьям, «пукалки» 45-ть миллиметров. И всё. Часть из них восстановленных и без прицелов. «Гардэ»! Танки седьмого мехкорпуса еще не подошли. Можно конечно, развести руками и сказать: «Не шмогла я, батюшка, не шмогла!», да толку от этого? Как только поступило известие, что Улла взята, так 96 полторок выскочили на три дороги, которые ведут в город. Они прибыли от инженерных управлений фронтом и армии. Дело в том, что и армия, и фронт обладали артиллерией Большой Мощности. А каждое такое орудие обладает осколочно-фугасным или просто фугасным снарядом. Кроме того, еще в самом начале боев за Борисов, я озадачил комдива минами ЛМГ и ТМД-40. Эти заявки были выполнены, когда реальные бои за Борисов уже закончились. Быстро у нас только кролики и тараканы размножаются. Но они приехали сюда, на этих самых машинах. Каждую из них сопровождало до шести человек личного состава инженерных управлений. Они и составили мою основную ударную силу. Около 400 человек, достаточно опытных минеров, водителей, снайперов и пулеметчиков, разъехались по окрестностям, уделив особое внимание двум шоссе, ведущим из Уллы в Витебск и Городок, отдельно выделив людей для дороги из Бешеновичей в Шумилино. Перед этим они ознакомились с организацией управляемых минных полей для атак колонн противника на марше шести типов. Сапер ведь как ищет мину на шоссе? Думаете с помощью щупа и миноискателя? Фигня! Он ищет ее глазами, и в подозрительное место тыкает щупом. Идет, выполняя движения как дворник у автомобиля: от обочины к центру, от места, где закончил сосед, до конца своего щупа. Это когда мины, установленные противником, имеют нажимной или натяжного действия взрыватель. Все остальные взрыватели и мины таким образом не обнаружить. Ну, описывать способы и методы мы в книге не будем, но ребят с ними познакомили и научили выбирать места, как для постановки, так и для мест управления. А брал Уллу совершенно дру-

гой танковый корпус: 39-й, который понес незначительные потери в Литве и Северной Беларуси. И вот его три танковых дивизии прутся брать Витебск, практически неприкрытый войсками. Они только перебрасываются. Немцам всего 65 километров, и они свободно войдут в город, а мне требуется двое суток, чтобы наполнить строящиеся опорные пункты. И вся надежда только на этих ребят и на эту ночь. Другого времени не будет! Максимум, что смогу: взорвать мосты.

И вот ребята, не демаскируя постановку отметками на шоссе, точнее, используя и этот вариант установки, но располагая основной заряд западнее в 300–400 метрах, а «дурочка» ставя на неизвлекаемость, превращают путешествие по такой дороге в маленький ад. Подрывая «каменеметательные устройства», как только грузовики с пехотой попадают в сектор падения камней, ставя пару десятков крупнокалиберных снарядов под откосом шоссе, а их осколки пробивают любую броню любого танка Вермахта, и кучу летающих мин Галицкого, пробивающих насквозь «жестянки» Гитлера и вызывая подрыв боезапаса. К моменту, когда 39-й корпус добрался до Язвины, в трех дивизиях было от силы тридцать танков, а у меня все орудия встали на свои места. И 19-я армия, в составе четырех корпусов, выгрузилась под Витебском. В этот момент нашу дивизию вывели на переформирование, ну и вспомнили и обо мне. Хорошо это или плохо – пока не знаю, так как сменился командир дивизии. Генерал Крейзер получил ранение и был отправлен в тыл. Мне тоже предстояло добираться до Алябино на перекладных и поездах, хотя я тут прижился, немцы до города так и не дошли, поэтому отирался по тылам, отъелся, забронзовел, в прямом и переносном смысле: горсовет решил назвать улицу моим именем, как одного из руководителей обороной города, а погода стояла жаркая, поэтому купался и загорал я регулярно.

Глава 3. Выпускники «фабрики» и остальные

Здесь длинных проводов никто не устраивает, и «отвальные» не в моде, хотя без этого не обошлось. Мой «личный» штаб обороны находился под Юрьевой Горкой, напротив стадиона «Локомотив». Штаб обороны находился в Облисполкоме, его подвалах и бомбоубежищах. Конев свой штаб держал в Лёзно, в городе бывал наездами, один раз был на правом берегу, но дальше штаба обороны станции никуда не ходил. Меня он за «начальство» не держал. Нарукавного знака ИПТА еще не существовало, и в тот день мы основательно «перегрызлись», так как ему показалось, что слишком много орудий, автомашин и тягачей я получил в свое распоряжение, а ему, имея два, на тот момент, корпуса, «нечем» прикрыть паромные переправы выше по течению. Впрочем, это всегда так, любой «командующий» стремиться забрать под себя все. Пришлось доставать свои «верительные грамоты», подписанные комфронта, и только после этого тот, фыркнув, успокоился. Но больше на правый берег его нога не вступала: не моё! Тем не менее, в Лёзно придется докладываться, судя по телеграмме из штаба нашей армии. Попрощался с одной весьма милой особой, военврачом Танечкой, только после института, была направлена в Гродно в железнодорожную больницу, не доехала, осталась на вокзале в Витебске, где ее мобилизовали. Но «с этим вопросом» здесь несколько туговато: никаких таблеток нет, девицы себя блюдут, без венца рисковать не желают, времена «сексуальной революции» еще не настали. Может быть это и хорошо?! Кто его знает. Вот с ней и выпили на дорожку, она спирт развела, но неумело и очень слабенько. Поцеловались, и я направился на тот берег. Доложился и предъявил предписание полковнику Алексеву. Тот мельком взглянул на план обороны.

– Кто вместо Вас?

– Капитан Ермаков, командир дивизиона из 18-й танковой. Участок сдан частям 20-й армии. Сам я тоже из 20-й.

– Непорядок! – по всему чувствуется, что каждый стремиться забрать все себе. Черт с ними, пусть сами ковыряются, за все время, ну, хоть бы один сунул свой нос сюда, что тут происходит! Прибежали бы только тогда, когда противник добрался бы до города. Вернулся на вокзал, там, с помощью коменданта, погрузился в вагон на Смоленск и Москву. Еще не все довоенные нормы отменены. Старший комсостав продолжает путешествовать в купейных вагонах. Средний уже пересел в общие и плацкартные. Эшелон смешанный, только три пассажирских вагона, остальное – платформы с поврежденной техникой и порожние цистерны. На двух платформах пулеметные установки. В Лёзно я не стал высаживаться, так как после визита в штаб обороны города я оттуда дал телеграмму в их адрес. Точно стало от их организации. За ночь проскочили Смоленск и подъехали к Ярцево. Времена, когда к поездам цепляли вагоны-рестораны, на этом направлении уже кончились. В Ярцево удалось купить отварной картошки. Кипяток был прямо в вагоне, крыша которого во многих местах уже познакомилась с 7,92 мм патронами Маузера и светилась очаровательными дырочками. Но Дуся, проводница, которая была бойкой и веселой «вдовушкой», призналась, что в этом рейсе на Витебск им повезло, и их не обстреливали и не бомбили.

– Когда на Киев или Гомель гоняют, то три-четыре раза в день бомбят. Сменщицу мою, царство ей небесное, прямо в купе, в постели, убили. У вас выпить, товарищ майор, не найдется?

– Нет, Дуся, не найдется.

– Зря вы это! Там водка ничего не стоит, а там – все что хочешь за нее достать можно. – она вначале показала на Запад, а потом на Восток. То есть в хвост и в голову поезда, без всякого компаса было понятно. Угостил ее картошкой, и лег спать. Через семь часов она меня разбудила.

– Вставайте, товарищ майор, подъезжаем. Минут пятнадцать осталось.

Я сходил умылся, вернулся в купе, где спали еще трое командировочных, взял кружку и пошел к титану за кипятком. Чай у меня был.

– Тащ майор, на посошок! А заварку мне можете оставить. – Дуся протягивала стопочку на серебряном подносе для чая. Пить, правда, совершенно не хотелось, но я понимал, что она таким образом свой страх «лечит», и водку «зарабатывает» не совсем легальным способом, но, сидеть в этой «консервной банке и постоянно ждать тревожных гудков паровоза – дело очень нервное, и каждый ищет способ уйти от этого.

– Закусите! За картошечку спасибо. И возвращайтесь, с победой! – сама закусывать не стала, занюхала «проклятую» рукавом, повернулась и захлопнула дверь купе. Поезд начал тормозить, я остался без чая, вернулся в купе за рюкзаком и винтовкой в чехле. Дуся уже находилась в тамбуре и смотрела на какой путь подадут эшелон. Перешла на другую сторону и открыла дверь вагона. Откинула вверх площадку, закрывающую ступени. Теперь у нее строгий вид, в руках флажки, на голове берет, прощаясь, она приложила руку к берету.

– Наверх и направо по мостику, товарищ майор.

– Удачи!

– К черту!

Уже дело к вечеру, вышел по переходу на Петровское шоссе. Тут меньше часа ходьбы, но мне повезло, возле меня тормознула «Эмка».

– Куда? – спросил незнакомый подполковник.

– В Петровку, в первый городок.

– Садитесь, майор. Откуда?

– Из Витебска.

– От Конева? Как там?

– Как у Конева – не знаю, я из 1-й Пролетарской.

– Ваши еще не прибыли, Вы – первый. А почему из Витебска? Дивизия-же под Лепелем.

– Приказали, товарищ подполковник. – товарищ явно был штабным, говорливым и, несмотря на то, что «подхватил» меня, он мне не нравился. «Болтун – находка для шпиона!»

– Что-то я Вас не припоминаю, хотя весь комсостав дивизии, по меньшей мере, в лицо помню.

– Месяц назад я был младшим командиром в ИПТД дивизии.

– Товарищ Голованов! Точно! Поздравляю!

– С чем?

– Пять человек из вашего 123-го дивизиона представлены к званиям Героев Советского Союза, вместе с командиром дивизии генералом Крейзером.

– Ну, представлены – это еще не награждены.

– Имею точные сведения! И, в штабе переформирования находится пакет для вас. Три дня назад доставили. Вас куда? К штабу?

– Если не затруднит.

– Нет, конечно. Начальник строевого отдела штаба переформирования Ягужевский, Виктор Соломонович.

– Сергей Петрович.

– Это здесь, штаб дивизии будет располагаться в том же здании, что и до войны.

У меня даже документов не спросили, ведь я приехал вместе с «большим начальством». Прошел за ним в строевой, оттуда меня послали в секретный отдел, там и выяснилось, что напрасно я сюда приехал. Меня ждут в 200-х километрах западнее, под Вязьмой. Однако, Виктора Соломоновича это нисколько не смутило. Так как бумага была подписана штабом Западного направления и была прогрифована, то тот же самый автомобильчик, трясясь на каждой кочке, повез меня обратно. Пожилой водитель, не успевший до конца поужинать, дожевыв-

вал сухари, и даже предлагал их мне, но я был занят мыслями о том, за каким чертом меня тянут в неизвестную мне воинскую часть, в номере которой существовали три «шестерки» и две «девятки». И почему, вдруг, с таким шиком доставляют к месту назначения. То, что движемся по Новоминскому шоссе, было понятно, перед селом со звучным названием «Бородино», свернули направо, затем еще два раза направо, и налево, оказавшись во дворе старинной двухэтажной усадьбы, расположенной в ухоженной роще.

– Прибыли, товарищ майор. Прощевайте! Мне еще обратно пилить.

Я пожал ему руку. Поблагодарил и вышел. Забрал с заднего сиденья свои «причиндалы». Первое, что мне приказали сделать, это сдать оружие и переодеться в парадную форму, которой у меня не было.

– Воинское звание «майор» мне было присвоено в землянке под Борисовым, возможности получить по аттестату положенное обмундирование у меня не было, действовал отдельно от основного места службы.

– Это значения не имеет, направляясь к новому месту службы вы обязаны были получить аттестат и произвести обмен... – но наш диалог был прерван командой «Смирно!». В проходе появился... «Константиныч», бывший Нарком Обороны, заместитель наркома обороны СССР, Главкомандующий Западным направлением. Так вот куда меня вызвали! Встал по стойке смирно, взяв винтовку за ремень. Неожиданно маршал расплылся в улыбке, оказывается ругать не будут! Пожал мне руку, поздравил бойца, которому я передал свою винтовку и рюкзак, и мы проследовали в кабинет маршала.

Его не сильно заинтересовали предоставленные карты и схемы, но вчитался в хронологическую схему проведенных боевых операций. Даже что-то плюсовал на счетах. Наградные положил в папку-конверт и кого-то вызвал в кабинет.

– Оформляйте, и не режьте.

Мои опасения, что Витебский противотанковый рубеж может быть растерзан и что координации со штабом 19-й армии не получилось, он отмел.

– Пока я – Главкомандующий, этого не произойдет. Конев, он – «да», не любит, когда на «его» участке кто-то шевелится. Гордый! Что касается тебя (маршал всем «тыкал», кроме вышестоящих), то даже дивизионный уровень – это мелко. Я тут подбираю таких людей, которые «горы свернуть могут», и держу их при штабе направления, как моих контролеров, в общем, «глаза и уши». Войдешь туда и будешь пасти весь фронт и все направление по линии ПТО. Усек?

– Да, товарищ маршал.

– Ты сам слышал, что все твои люди будут награждены, которых ты представил к наградам. Но, от тебя требуется не только награждать, но и наказывать нерадивых. Крепить, так сказать, наши ряды. Это – важнейшее направление.

– Я боюсь, что я с этим не справлюсь, товарищ маршал. Я больше руками, ну и головой, помогаю людям делать их работу.

– Что, не сможешь расстрелять труса и подлеца?

– Труса и подлеца – смогу, наверное, но предпочту, чтобы это сделал суд, а не я.

– Я и не требую, чтобы ты самолично творил расправу, но следить за порядком обязан!

Понял?

– Понял.

– Тогда все, пару дней отдохни, приведи себя в порядок, не дело, когда представитель главного штаба направления выглядит затрапезно. Ты должен быть образцом для подражания. Кстати, послезавтра летим в Москву, товарищ Сталин подписал представления на вашу дивизию. Вместе с Крейзером и получишь. Он уже ходячий. Все, у меня еще куча дел!

Приехали! Вот только этого мне и не хватало: быть «цербером» у неудачника!

– Штеменко! – крикнул в трубку маршал, – Подойди, заведи у меня нового инспектора войск, Голованов его фамилия. Поступает в твою команду, введи в курс дела, познакомь с коллективом.

Трубка громко шлепнулась на аппарат, маршал крутнул отбой, а я прикрыл дверь в его кабинет.

Нашел свой рюкзак и винтовку, в этот момент появился подтянутый подполковник танковых войск с большими «казацкими» усами. Кроме значков, типа «За отличное вождение боевых машин автобронетанковых войск», «За отличную стрельбу из танкового оружия» и «Киевский особый военный округ», на груди было «чисто». Но по званию он был старше, поэтому, приняв стойку, представился. Тот протянул мне руку и мне пришлось вынуть палец из-под ремня.

– Сергей Штеменко, начальник группы инспекторов Западного направления. А вы?

– Назначен инспектором по противотанковой обороне при штабе направления, Сергей Голованов. Предписание. – я протянул его подполковнику.

– Пройдемте, вы как раз вовремя, вся группа в сборе. «Фабрику» когда кончали? И где успели грудь украсить? Новенький! Только вручили?

Что такое «фабрика на Вернадского» я знал, но «по легенде» знать не должен был, поэтому продемонстрировал полное отсутствие понимания момента.

– Да, недавно, под Борисовом.

– Да-да-да! Как же я не догадался! Рюкзачок у вас приметный. 1-я «Пролетарская»? Наслышаны-наслышаны! Вовремя вы подъехали, сейчас всем расскажете.

Мы шли по парку в самый дальний его угол по песчаной, красного гранита, дорожке.

– Мы занимаем вон те два домика, свободные комнаты есть, но сейчас – вот сюда. – подполковник рукой показал налево, там находился дом побольше, из открытых окон которого была слышна музыка и женский смех. Но светомаскировка была на месте.

– Не удивляйтесь, отдыхать тоже требуется, и «Константиныч» на это дело почти не реагирует. Мы «работаем по вызову», а сегодня у Паршенина день рождения, он – инспектор по авиации.

– Ну, куда ж я с рюкзаком и винтовкой?

– Ничего-ничего! Так даже будет неожиданней! Кстати, с «этим делом» будьте осторожнее, «он» – «ботаников» не любит, но тех, кто не умеет пить – не любит еще больше. А просто на запах не реагирует. Так что, главное – знать меру и всегда быть готовым выполнить его приказание. Прошу!

Подполковник открыл дверь, за ней находился темный тамбур, в котором целовалась какая-то парочка.

– Кто здесь уже уединился, ну-ка, марш отсюда, дайте человеку раздеться! – подполковник притворил дверь, парочка выскочила вовнутрь, а он включил свет.

– Светомаскировку соблюдать безукоризненно! Так можно по шее схлопотать, что мало не покажется! Василий Данилович, начштаба направления, три шкуры спустит!

– Кто такой?

– Генерал-лейтенант Соколовский, второй зам Жукова.

«Блин, сколько сложностей! Нафиг я согласился с этим назначением?» – подумал я, пока снимал рюкзак. Пирамида находилась в коридоре, после тамбура, возле нее несла «службу» связистка-ефрейтор, с повязкой на рукаве. Это был пока единственный человек, несший службу. Домик «принадлежал» полку связи, но попадали сюда жить только «свои», остальные располагались в лесу между шоссе и усадьбой. Ну, а комната, в которой все собрались, была вовсе не столовой, а «Ленинской комнатой», комнатой политпросвета. Но, столы были сдвинуты, некоторые составлены друг на друга, освободилось место для танцев, но танцующих пар было

немного. Понятно, что воротнички у всех были расстегнуты, люди выглядели расслабленными. На наш приход никто команды «Смирно» не подавал. Командиры-мужчины все были старшим комсоставом. Некоторые помахали нам рукой в знак того, что появление было ими обнаружено.

– Все к столу, товарищи, нашего полку прибыло! Из «Пролетарки»!

– Штрафную ему, за опоздание, и за пустые руки. – потребовал «именинник», у него единственного были авиационные петлицы с тремя шпалами.

– Лёня! – представился он.

– Насчет «с пустыми руками», вы не правы, Леонид. Одну минуту! – я поставил на стул свой рюкзак, в котором находился мой «НЗ», и на стол в несколько приемов легли «трофеи». Уж чем-чем, а консервами германская армия снабжалась неплохими, французскими. Там же затерялась и плоская бутылка «Камю». Была еще одна, но я не стал ее доставать, выпивки на столе было с избытком.

Довольно шумно все расселись, я же удивленно обнаружил, что рядом со мной появилась девушка-сержант, которую до этого я в комнате не видел. Дело у них, видимо, поставлено «на поток». Среди командиров больше половины носили на петлицах щит с двумя мечами, старший из которых имел ромб, так что эти «инспектора» по большей части были «карающим мечом» главнокомандующего направлением. Остальные были представлены по одному: сапер, артиллерист, летчик, танкист, пехотинец, ну и ваш покорный слуга, с перекрещенными пушками. Поэтому сразу после того, как была выпита «штрафная», первым подошел именно артиллерист.

– Кулешов, Павел. Вместо меня?

– Не знаю, я – противотанкист. А вы?

– Полевая артиллерия и минометы. А «фабрику» когда кончал?

– Второй раз спрашивают, а я не знаю, что такое «фабрика»? – пятеро присутствующих переглянулись, а потом все, включая «юристов», грохнули.

– Академия Генштаба! – сквозь смех и выступившие слезы сказал Павел, будущий маршал артиллерии. Здесь их находилось трое или четверо, будущих маршалов, остальные пали смертью храбрых в боях за Родину. Я это знал, но требовалось держать марку. Поэтому, подкрутив несуществующие усы, сказал:

– Мы академиев не кончали. Мы, так сказать, от сохи, от прицела прямой наводки.

Но выпивку и день рождения сорвал не я, а Сергей Штеменко. Его, как и остальных, очень интересовал вопрос: каким образом у меня на гимнастерке оказался кусочек платины, в золотом обрамлении, с красной эмалью, под номером 6502, выбитом на обратной стороне. На всю компанию нашелся один орден Красной Звезды и несколько орденов Красного Знамени, но не союзных, а различных республик, эти награды были, в основном, у «юристов». Пришлось рассказывать, и показывать схемы выстроенного рубежа ПТО под Витебском. Так как это сильно заинтересовало «военную часть» группы инспекторов, то захватив с собой кое-что со стола, мой рюкзак и винтовку, мы перебрались в «свой» домик, оставив «юристов» развлекаться с девочками. Тем более, что это было их «изобретением»: они перенесли на военную почву свои наработки в НКВД и прочих структурах. Ну, а «академики» заинтересовались чисто профессионально, тем более, что состояние дел на многих участках фронта были далеко не блестящими. Второго июля началось масштабное наступление на юге, и там начался сыпаться фронт. Стык Западного и Юго-Западного устойчивостью тоже не отличался, а про Северо-Запад без содрогания и вспоминать было жутко.

– Слушай, Серега, это все хорошо, но нам в академии об этом не говорили. Откуда это? Где ты взял эти «звезды». – задал вопрос подполковник Кулешов.

– Хороший вопрос! – поддержали его остальные. Я залез в рюкзак, но карты Чернявки там не оказалось, кому-то отдал, а жаль!

– Карты Чернявки нет, сейчас от руки набросаю. – я взял чистый лист и набросал ту позицию, которую создал, когда комбат уехал на «бл**дки», а командир взвода обеспокоился тем, что спать будет негде. – Вот, это позиция батареи, которую я создал у переправы у села Чернавка, где наша батарея приняла свой первый бой. Вот дистанции. Обратите внимание на то обстоятельство, что ни один танк противника не может на постоянном прицеле выбить все орудия. У противника один путь, вот сюда, где я и сосредоточил огонь, и инженерные сооружения. Каждое орудие имеет возможность стрелять по любой цели, как самостоятельно, так и по команде комбата. В результате мы не понесли потерь. А 5 танков и 8 транспортеров отправили на переплавку. Причем тех, которых даже пробить в лоб не могли. Отсюда, собственно говоря, и появилась «звезда», центр которой занимает тяжелый танк, а остальные орудия его прикрывают. Специально для противника оставляем «коридоры», куда они будут стремиться всеми фибрами души, напрягая свои двигатели. Но, все орудия имеют сектор 360 градусов, и в «коридорах» количество стволов удваивается! И выстрелы идут в борт и корму.

Я же не мог сказать им, что это «они» придумали и применили через два года. Не конкретно эти люди, но те, кто останавливал врага под Котельниково и Абганерово. Пусть лучше сейчас научатся. Я понимал, что попал не к лучшему маршалу Советского Союза в инспекторы, но если удастся исправить хотя бы один его «косяк», это уже много! Но судьба распорядилась по-другому.

Дело в том, что, обговорив все нюансы, мы смертельно надоели виновнику и герою нынешнего дня, который сказал, что «водки недостаточно, да и девушек мы оставили на попечение не самой стойкой части населения данного наспункта». Последовало предложение закончить умные разговоры, и перейти к сути сегодняшнего мероприятия, ибо все присутствующие неожиданно для себя внезапно стали «холостыми» в данный момент времени. Жены у всех уехали в эвакуацию, что впоследствии вызвало появление самого распространенного послевоенного анекдота: Сталин пригласил на празднование Нового, 1946-го, Года высшее военное руководство с женами, а все пришли с «дочками», чем вызвали неадекватную реакцию у секретаря ЦК ВКП(б), и он издал постановление о запрете разводов для лиц, входящих в номенклатурную «обойму». А те распространили эту практику на всю компартию. Перебрались к «связисткам», а «юристы», воспользовавшись отсутствием «академиков», прикончили все запасы спиртного, почти все. Видя, что «академики» готовы двинуться на поиски горячительного, а это никогда хорошо не заканчивается, я сказал, что у меня в рюкзаке есть еще литровая бутылка трофейного «Мартеля». За ним послали девушек, но вместо того, чтобы принести только коньяк, они приволокли весь рюкзак. Вечер продолжился, с ожидаемым результатом. Но утром оказалось, что старший из «юристов», бригюрист Абрамов, угодил в госпиталь с острым отравлением. Ему сделали промывание желудка, и выяснилось, что отравился он содержимым моего рюкзака. Нашел в нем банку, закрытую плотно крышкой, с надписью: «Барий хлорид 2-хводный». Открыл ее, понюхал и лизнул. Этого хватило, чтобы хорошенько проблематься и угодить в госпиталь. Это – крысиный яд, в расплаве которого выращиваются, из титановых белил, монокристаллы титаната бария, целая «блямба» которого мною была изготовлена в Витебске. Но вот пока не найден способ разделить монокристалл на небольшие «камешки».

Глава 4. Неожиданный визитер

Но это стало известно несколько позже, утром мы знали только, что Абрамов несколько перепил и его увезли. Меня переодели, утром следующего дня вместе с маршалом мы вылетели в Москву, где я встретился с генералом Крейзером, нам вручили медали Героев и ордена Ленина, а затем Крейзера увезли в госпиталь, а я улетел в Щурово, под Коломну, куда наши оружейники из Коврова и Саратова привезли несколько моделей противотанковых ружей на Государственные испытания. Я, воспользовавшись легкой суматохой на полигоне, разложил то, что сумел привезти из Витебска. К сожалению, главная часть оружия на момент моего отъезда еще не была готова, но, «Попытка – не пытка. Правда же, товарищ Берия?». Меня чем-то отвлекли, пришлось срочно куда-то бежать и нести обратно кучу каких-то бумаг, выданных мне на складе с восточной стороны полигона. И только, когда я почти дошел до места, выяснилась причина переполоха: на полигон приехал «сам», Главкомандующий РККА и нарком обороны товарищ Сталин решил посетить первое испытание заказанных ружей, премию за которые он объявил заранее. Приехал вместе с товарищем Тимошенко. Тут мне слегка поплохело, так как на столе у меня лежал «боевой выстрел», помимо разрезного инертного. И «вне конкурса». Ружей было выставлено четыре, а не два, как пытаются это представить современные «историки». Мой «стол» стоял пятым, самым западным. Мина Галицкого была полностью мной переделана, и для этой единственной гранаты был создан небольшой монокристалл, стоимость которого была, ну, очень высокой, пока. Делать нечего, хотя я и не ожидал появления таких «фигур» как Сталин, Тимошенко, Ванников и Горемыкин. Тем более, что вместо образца гранатомета, у меня были только его первичные чертежи. Сталин внимательно осматривал представленное: сам прикидывал ружья на вес, пробовал приладиться для стрельбы. Из ружья Рукавишникова даже выстрелил лежа, потом тер себе плечо. Два образца: Рукавишникова и многозарядку Дегтярева он отмел. Остались однозарядка ПТРД и «симоновка».

– А это что и кто?

– Это мой инспектор по противотанковой обороне майор Голованов, я вам докладывал, товарищ Сталин. Что показывает – не знаю, он мне ничего не говорил.

– Что это? – спросил Иосиф Виссарионович.

– Выстрел к реактивному гранатомету, товарищ Сталин. Изготовлен на основе кумулятивной летающей мины генерала Галицкого, серийно выпускаемой Наркоматом боеприпасов. С помощью таких мин было остановлено продвижение трех танковых дивизий к Витебску. Не только их, но в том числе. Но эта граната сильно отличается от мины Галицкого. Вот ее разрез.

Я передал Сталину инертную гранату, разрезанную для просмотра ее устройства. При его попытке взять боевую гранату, я остановил его руку.

– Тащ Сталин, это трогать не надо. Это боевая граната, и она без предохранителя. Инертной у меня нет, а если она упадет кончиком вниз, то... Не стоит этого делать. Пусть лежит.

Сталин руку убрал, но спросил:

– А как же красноармейцы будут ее переносить?

– Этот колпачок довольно прочен, но под ним спрятан вот такой кристалл. Его деформация вызывает появление тока в цепи взрывателя. Испытания оружия только начаты, устройство для пуска, к сожалению, не успело приехать из Витебска. Оно вот такое.

Тут в дело вмешался комиссар госбезопасности 3-го ранга, который увел товарища Сталина в сторону от опасного столика, показав мне внушительный кулак. Но Сталин не дал его «архаровцам» сразу меня «нейтрализовать».

– У меня есть вопросы к майору.

– Тащ Сталин, я отнесу гранату подальше, и вернусь. – Я открутил двигатель и вышибной заряд, положил боеголовку в ящичек для переноски мин Галицкого, и отнес за бетонную плиту. Вернулся бегом, чтобы не успели увести Верховного далеко. Захватив разрезную гранату, подошел к самому восточному столу, который уже освободили от ружья Рукавишников.

– Дальность выстрела? – спросил Сталин.

– 400–500 метров. Бронепробиваемость – до полуметра. Граната обладает довольно высокой скоростью, огонь настильный, а не по кривой. Вот эта часть выпускается массово. Переделке подверглась головная часть, вставлен медный конус, для увеличения кумулятивного эффекта, и дорабатывается электровзрыватель, но может работать со взрывателем Галицкого. Вот отличие от серийной гранаты, вот этот переходник.

Я открутил разрезной двигатель, и прикрутил боевой.

– Вставляется в чехол для переноски, и дополнительно прикрывается вот этими чашками.

– А разорвать цепь? – задал весьма профессиональный вопрос Сталин.

– Пьезоэффект еще очень слабо изучен, а полигона в Витебске не было. Собрал простейшую схему, экспериментировать с разрывом цепи не стал. Жизнь – она одна, товарищ Сталин.

– Это вы верно подметили, майор. Семен! Он из первой Пролетарской?

– Да, оттуда.

– Личное дело ко мне, сегодня же.

– Есть!

– Майор! Эта штука остановить танки Гитлера сможет? И сколько весит пусковое устройство?

– Около пяти килограммов, без гранаты. Выстрел еще два четыреста.

– КВ пробить сможет?

– Конечно.

– Кто в Витебске ее делает?

– Завод имени Коминтерна.

– Когда будет готово?

– Вчера или позавчера должны были закончить, товарищ Сталин.

– Товарищ Воронов. Возьмите на заметочку и организуйте доставку. А вот эту часть кто-нибудь делает?

– Нет, товарищ Сталин. Изготовлено шесть штук, все здесь.

– Товарищ Горемыкин, посмотрите: что там и как. Завтра доложить.

– Есть, товарищ Сталин.

Вроде все хорошо закончилось, пора бы и расходиться. Я даже и не ожидал такой реакции на эти проделки, но я недооценил наши «специальные службы». Сталин еще только сел в машину, когда ко мне подошли люди, предложившие мне сдать оружие. И обвиняют меня не в какой-то мелочи, а в покушении на товарища Сталина. Честно говоря, я даже пожалел, что вытащил на смотр эти игрушки. Лежали бы себе до судного дня, доделал бы, а уж потом... Маршал мой сразу умыл руки, дескать, и знать ничего не знаю. Но другого от него и не ожидалось. А тут еще и «телега» нашего бригадного юриста подоспела. А хрена ли он в моем рюкзаке забыл? Но, «вещественное доказательство» там нашли! Да еще и ядовитое! Все «налицо»! Преступник! В первую очередь доехав привязались к яду. И тут второй раз не повезло! У меня же «блин» в рюкзаке лежал! А следователь им по столу стукнул! Весь разряд ему и достался. Очухивался он долго, а я сидел и курил его папиросы.

– Что это было? – спросил он, когда немного пришел в себя.

– Вы в школе физику учили?

– Учил.

– Учили или проходили?

– Проходил.

– Плохо, конечно, учиться требуется настоящим образом, так товарищ Ленин говорил. Это – кристалл, при деформации которого вырабатывается электричество. Им по столу стучать не стоит. Именно поэтому я не дал взять в руки товарищу Сталину гранату.

– Что, могло так ё... ударить током?

– Нет. Руками ее брать можно, но нормального предохранителя там пока нет. Его требуется создать. При этом не взорваться.

– Зачем вы сюда привезли это устройство? Убить Сталина?

– Если бы я хотел его убить, то достаточно было просто молчать. Вы обратили внимание, что одна рука у него плохо действует? Ранение, наверно. А я – понятия не имел, что на полигон придет кто-то. Мне требовалось показать конструкторам, что есть возможность создать более простое и эффективное оружие, нежели противотанковое ружьё, одним выстрелом из которого танк не остановить. Вы, когда-нибудь, по танкам стреляли?

– Нет.

– А мне вот эту дырочку на гимнастерке сделали за то, что я и мои люди уничтожили четыре танковых дивизии немцев. Четыре, товарищ следователь. В каждой из них до 210 танков. И если бы мы этого не сделали, то уже бы пал Смоленск, Борисов и Витебск. А меня обвиняют в том, что я хотел убить товарища Сталина. Эта граната не для него, она – для немцев. А что будет делать ваше ведомство, когда завтра товарищ Горемыкин доложит Верховному, что посмотреть, как устроен выстрел ПГ-70 ему не дало НКВД? Кто-нибудь об этом подумал?

– Конвой! Увести! – кажется под хвостом у следователя стало припекать! Так оно и случилось! Приехал тот самый комиссар 3-го ранга, мы с ним переговорили по душам, в том числе, и о том, что лазить по чужим рюкзакам – последнее дело, ведь бригюрист мог просто на просто взлететь на воздух, в штабе направления.

– Для чего тебе нужен яд? Чего ты его с собой таскаешь?

– Из его расплава получается вырастить монокристаллы, способные выработать необходимый для взрыва ток. Мне нужен не яд, а барий. Элемент такой, из таблицы Менделеева. Его требуется соединить с титаном, из него белую краску делают. И получается вот такая штука. Зажигалка есть?

– Есть. – он вытащил отличный английский «Ронсон». Я попросил дать мне одно из «вещественных доказательств», открыл крышку, мелодично звякнувшую, и поднес к фитилю проводок и щелкнул пружинкой. Бензин загорелся.

– Такая же искра вызывает взрыв гранаты.

– Ну, будем говорить так: доказательств того, что ты хотел совершить покушение на товарища Сталина нет. Но мог бы меня и предупредить!

– Я понятия не имел, что кто-то, кроме конструкторов, сюда придет. Демонстрировать изобретение собирался только им. Даже маршала Тимошенко, непосредственного моего начальника, здесь не было. Он приехал вместе с вами.

– Блин! Изобретатели! Ни фига головой думать не умеете! Вам бы все в бирюльки играть! Перепугал ты меня, майор, я же тоже не проверил, что у вас на столах разложено. Ладно, занимайся делом, «сам» очень заинтересовался этой штукой. Свободен!

Но, из «инспекторов» я вылетел, в тот же день. Жаль, уютное место было! И коллектив неплохой! И девочки сговорчивые. Я теперь «тыловик», внедряю и испытываю, но на тыловом пайке.

В более или менее оборудованных мастерских Щуровского полигона удалось сделать нормально разомкнутый контакт-предохранитель, связанный с давлением в камере сгорания и удерживаемый биметаллической пружиной в боевом положении и в режиме предохранителя. Из Витебска прилетел сам гранатомет, его привели к нормальному бою, используя ствол

с винтовочным патроном. Я готовил выстрелы для будущего показа, когда в мастерскую зашел все тот же комиссар, с которым в прошлый раз беседовали.

– Ты чего здесь сидишь? Ну-ка, хватай все, тащи на площадку, и показывай мне и моим «спецам». А это че такое?

– Это и есть двигатель и вышибной заряд, только еще без стакана.

– Предохранитель сделал?

– Да, гранату без предохранителя вчера отстреляли. Эти пять его имеют.

– Давай, шевелись!

Я сложил все в сумку подносчика, туда 5 штук и помещаются. Забросил на плечо гранатомет, и мы пошли на полигон. Там уже расставляли с помощью тракторов танки.

– Двух хватит, а вот эти дзот и два дота тоже будут мишенями. Там надо кукол рассадить и расставить.

– Командуй, что ты мне рассказываешь.

Через двадцать минут все было готово, и тут вновь появился Сталин. Власик предусмотрительно разложил все так, чтобы боевые выстрелы и близко не приблизились к вождю.

– Здравствуйте, товарищ Голованов. Все привезли? Показать сможете?

– Да, товарищ Сталин. Первый отстрел выполнили вчера, прошел штатно.

– Вот это он?

– Да, выстрелы инертные, черным покрашены. Боевые – зеленым. Они там.

– Прошлый раз говорили, что цепь у них постоянно замкнута.

– Пять новых выстрелов имеют предохранитель, который снимается в момент выстрела.

Один чисто механический, щеколда обычная, второй – в виде датчика по давлению в камере сгорания и температуре. Но либо – либо. Товарищ Горемыкин сказал испытывать оба, а там решим, какой будет стоять. Вот они. Этот прикрыт пластинкой, выпадающей при зарядании. А этого и не видно, он внутри гранаты.

– Ну, что ж приступим. Докладывайте условия, генерал. – это он сказал уже командующему артиллерией РККА Воронову.

– Два танка: Т-IV и КВ-1. Внутри стандартные куклы, изображающие экипаж. И три укрепленных огневых точки: дзот пятикатный, немецкий, фронтальный и два железобетонных, фронтальный и фланкирующий. Стандартные, не облегченные, и не тяжелые, самые распространенные. Расчет гранатомета: два человека, гранатометчик и подносчик или второй номер. Носимый комплект – 8 гранат в двух сумках. Есть возможность иметь девятую, если сразу зарядить устройство. Выстрелы будут храниться по 10 штук в ящике. 2-й номер может забрать 10-ю, и нести в руках.

Я изображал первый номер расчета, а роль второго выполнял обычный красноармеец, взятый прямо из строя. Ему при Сталине показали его действия.

– Расчет, смирно! На огневую, бегом, марш! – побежали. Генерал-полковник пошел вслед за нами. Он был главным противником вооружения пехоты противотанковым оружием. «Задача противотанковой обороны должна решаться артиллерией!» – это его слова. И, по большому счету, он прав, но «сорокапятка» безнадежно устарела в варианте 46 калибров 37 года. Её эффективная дальность – 500 метров, как и у этого гранатомета. После команды «К бою», я отбросил сошки и тщательно прицелился по «летнему прицелу». Оптического прицела не было, и выпускать его было негде. Выстрел инертной гранатой, по движущейся мишени «танк». Попал! Трассер было хорошо видно. Но по громкой связи недовольный голос Сталина:

– Почему не взорвался? – его не предупредили, что это тренировочный выстрел.

Пришла в движение платформа, на которой был установлен немецкий «Т-IV», и мне подали боевую гранату зеленого цвета. Цель двигалась неровно, то замедляя, то ускоряя движение. Рельсы были уложены прямо на рельеф. Выстрел! Через секунду раздался мощный взрыв и началась детонация боезапаса. Танк развалился на три части. Затем мы поползли впе-

ред, на новую позицию, откуда выстрелили по дзоту и фланкирующему доту. Больше готовых выстрелов у нас не было, только инертные, стрельба которыми не понравилась Сталину. Мы встали и пошли к Воронову, доложить об окончании стрельбы. А от главного наблюдательного пункта к нам выдвигается целая делегация, человек 15. Откуда столько?

Воронов пожал мне руку.

– Отлично стреляете, майор!

– Противотанковая артиллерия, товарищ генерал-полковник.

– Танк разнесли просто в дым. Очень мощная штукавина.

Подошла комиссия, в ней уже не только Сталин, но и представители промышленности и военные, во главе с начгенштаба.

– Почему первая граната не взорвалась? – отменяя все доклады спросил Сталин.

– Это – тренировочная инертная граната, товарищ Сталин. Вот такая. Они все покрашены в черный цвет. Летает также как боевая. Но не взрывается и может быть переснаряжена.

– Теперь понятно. А почему по КВ не выстрелили?

– Жалко, сгорит, а так еще повоюет. – комиссия заулыбалась. С танками дело обстояло довольно напряженно.

– Что скажете, товарищ генерал-полковник? – спросил Сталин у Воронова.

– Оружие, любое, товарищ Сталин, имеет достоинства и недостатки. Выстрел раскрывает позицию гранатометчика, но все это перекрывается высоким уровнем поражения техники. Явно стрелять через кусты невозможно, но, как оружие последнего рубежа – годится.

– Если немного перестроить порядок действий отделения, настроив его на защиту гранатометчика, то при условии дальнейшего развития гранат, а они могут быть не только кумулятивными, но и осколочными, зажигательными, с готовыми осколочными элементами и тому подобное, то это оружие может стать главным в пехотном отделении, ручной артиллерией. Но этому требуется учиться. – ответил я генералу.

– Возможно, но в этом случае дело за вами. Требуются новые гранаты, тогда и посмотрим.

– Товарищи Ванников и Горемыкин! Когда мы увидим серийный гранатомет и выстрел ПГ-70? – спросил Сталин.

– Технологических вопросов здесь немного, но окончательно вопрос может быть решен только после приема их на вооружение. Пока это опытный образец, сделанный на заводе, который еще не развернулся на месте эвакуации. Это что касается самого гранатомета, но технологических препятствий для развертывания на любом металлургическом заводе с оборудованием для холодной и горячей штамповки и вытяжки нет. Требуется включение в план выпуска.

– Что у вас, товарищ Горемыкин?

– Переходник прост и изготовить его можно в любой мастерской. Металлическая часть вышибного заряда – литая из силумина, раскрываемые крылья – штампованные. Двигатель – одна из самых сложных частей из-за кольцевого канала, но может изготавливаться вальцовкой. Чисто механических работ не слишком много, и они вполне по силам нашей промышленности. Но сборка – это уже на арсеналах, этот вопрос еще не проработан, товарищ Сталин. И не решен вопрос с производством кристаллов для взрывателя. Это не наш профиль. Свободных мощностей и у нас, и там недостаточно.

– Их будет еще меньше, если мы протянем с противотанковым оружием для пехоты. У вас неделя, чтобы согласовать вопросы по сборке боеприпаса. – Сталин повернулся ко мне.

– Что касается вас, майор, объединяйтесь с товарищем Горемыкиным, и дожимайте начало выпуска ПГ-70. Как только найдете место, приступайте к изготовлению других типов гранат. Вопросы есть? Вопросов нет. За работу, товарищи.

Командировочное мне было выписано на Щуровский полигон, там же меня и поставили на довольствие, а работать пришлось в Холмах, там находился арсенал, это примерно в тридцати километрах от полигона, причем, местные товарищи, для которых лишняя головная боль

в виде новой продукции была действительно лишней, ибо требовалось обучить персонал необходимым приемам, создать и изготовить приспособления, и работать с ленточным порохом, который редко применяется в других системах, он довольно ломкий, не слишком внимательно отнеслись к моим нуждам. Поэтому питание было трехразовым: понедельник, среда и пятница. А точнее, суббота, воскресенье и понедельник. В остальные дни, по большей части, я не попадал столовую при полигоне. Брал что-то с собой, сухим пайком, автомашиной меня не снабдили. Коломенский машиностроительный завод получил задание на производство самих гранатометов. Там больших проблем не возникало, только с пристрелкой, их приходилось возить на полигон, так как на заводе тира не было, но его строят. А вот с арсеналом проблемы возникали постоянно, до приезда сюда одного из заместителей Яковлева, после этого вопрос вроде решился, подключилось еще несколько таких же «предприятий». Пишу в кавычках, потому, что это были воинские части, хотя до войны большинство рабочих были вольнонаемными.

Через две недели была собрана первая партия «изделий» в количестве 1000 штук и 20 000 выстрелов, встал вопрос о проведении войсковых испытаний, и я направил всё это добро в родную дивизию. Дивизия заканчивала переформирование, но как танковая дивизия.

Глава 5. На смоленском направлении, первый звоночек

16-го августа немцы переформировались и перешли в наступление, ослабив давление на двух направлениях, сняв танки группы «Норд» и часть танков группы «Зюд». Ударами от Шклова и Невеля они смяли сопротивление 4-й, 19-й и 22-й армий, окружив части 20-й армии под Оршей и в нескольких местах форсировали Днепр. Витебск был взят ударом вдоль левого берега реки Двины, которую форсировали в Сураже и Рубе. «Мой» противотанковый рубеж оказался в окружении. Немцы соединились у поселка Кóзлы. Площадь окружения составляла 17 с половиной тысяч квадратных километров. Генерал-лейтенант Курочкин получил несколько противоречивых приказов из различных источников, но и без ценных указаний было понятно, что Борисовский выступ стал абсолютно не нужен Верховному командованию. Там на востоке немцы вырвались на оперативный простор, и практически беспрепятственно наступали на Смоленск, невзирая на остатки советских войск в громадном котле. Мой «опытный участок ПТО» так и остался «опытным», так как прямого участия в боях, так и, не принял. Успех «свалили» на действия групп «наглого минирования», но спецов по нему просто на просто не было. А те, кто получил этот опыт, оказались в окружении. Укрепрайон достаточно долго держал оборону на правом берегу, приказа на отход они не получили. Скорее всего, их просто «забыли». 14-я танковая дивизия, сосед слева, 18-го августа тихо отошла к Орше, а капитан Ермаков не сумел получить такой приказ из штаба 18-й танковой. Вместе с ними на правом берегу находились четыре батальона железнодорожных войск НКВД, которые подорвали все мосты через Двину и еще две недели удерживали правобережную часть города. Когда закончились снаряды к зенитным орудиям, стало понятно, что дальнейшая оборона города стала невозможной. Собрав весь гарнизон, ночью 31-го августа они прорвались у Тирасполя и ушли в Шестеновские леса. Затем пересекли железную дорогу неподалеку от Баравлян и начали отход на восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.